

Языковая ситуация и языковая политика в странах славянского мира

Русинский язык в языковой политике стран славянского мира

И. М. Авраменко

Белгородский государственный институт культуры и искусства (Белгород, Россия)

Русинский язык (русин. русиньскый язык) или **русинские языки** — совокупность разнородных диалектных, наддиалектных и литературно-языковых образований, бытующих или бытовавших среди русинского этноса как на его исконных землях в Подкарпатье, Западной Украине и Восточной Словакии, так и районах компактного проживания на территории Воеводины в Сербии, в Словении, в Хорватии, в Венгрии и в Польше (живущие ныне в западных областях лемки, причисляемые к русинам).

Лингвисты имеют различные мнения относительно того, является ли русинский язык отдельным восточно-славянским языком. Украинские власти не признают русин в качестве отдельного народа, считают русинский язык диалектом украинского, а самих русин этнографической группой украинцев. Характерной чертой, противопоставляющей в лексическом отношении русинский язык белорусскому и украинскому и сближающей его с русским, является наличие в нём большего количества церковнославянизмов, чем в литературном украинском языке, что свидетельствует не о древнерускости этих церковнославянских слов в русинском языке, а заимствовании их из привнесённого на Русь искусственно созданного для богослужения в православных церквях языка, который был создан за сто лет до крещения киевлян и сильно отличался от простонародного языка жителей Юго-Западной Руси. Чертой, отличающей лексику русинского языка от лексики остальных восточнославянских языков, является наличие в её составе большого количества общеподкарпатских полонизмов и словакизмов, мадьяризмов и германизмов.

Распространён в Закарпатской области Украины (6725 носителей по переписи 2001 года) (Согласно информации Ассоциации русинских организаций «Сойм Подкарпатских Русин», в Закарпатье проживает около 800 тысяч русин. В 1941 году в Закарпатье, оккупированном на тот момент венгерскими войсками, по данным переписи проживало 500 тыс. русин (эти данные являются неточными, так как венгерское правительство поддерживало провенгерскую русинскую интеллигенцию, местным населением прозванную «мадьяронами»), а также на востоке Словакии (около 20 тысяч носителей, перепись 1991 года и 24 тысячи, которые указали национальность — русин), в Венгрии, Польше, Хорватии и сербском автономном крае Воеводина.

Карпаторусинские диалекты представляют собой, с одной стороны, продолжение украинского диалектного континуума и разделяют многие общеславянские, общукраинские и западноукраинские особенности, а с другой стороны имеют специфические черты в фонетике, грамматике, синтаксисе, лексике, словообразовании, сближающими его с западнославянскими, словацкими и польскими диалектами. Среди неславянских лексических элементов особенно велика доля заимствований из венгерского языка. Западнославянские элементы, мадьяризмы, многочисленные церковнославянизмы, пласт уникальной славянской лексики «являются тем, что отличает их язык от иных восточнославянских языков, например, от украинского».

История

С середины XIX века и до середины XX века сталкивались три тенденции, проводимые русинской интеллигенци-

ей: в качестве литературного языка одни стали внедрять русский, другие украинский, третьи пытались образовать литературный русинский язык на народной основе. После Второй мировой войны в Чехословакии, Польше и советском Закарпатье был узаконен только украинский язык. В Воеводине в 1920-х годах утвердился литературный русинский. В 1923 году была издана первая грамматика, написанная бачванским (воеводинским) русинским языком, автором которой был Гавриил Костельник. В 1924 году выходит первая воеводинско-русинская газета «Руски новини» (Новый Сад). В конце XX века литературно-языковое строительство активизировалось в Польше (грамматика в 1992 году, журнал «Бесіда») и в Закарпатской области Украины (периодика, грамматика «Материнський язык», 1997).

Сейчас представители русин пытаются создать третью разновидность общерусинского литературного языка (две уже кодифицированы в Словакии и Воеводине), в частности, путём публикации на страницах журнала «Русин» текстов на всех разновидностях русинского.

Общего литературного языка для всех русинских языков не существует. Диалекты русинского языка подразделяются на карпатские и паннонские, или паннонско-югославские. В то время как карпатские диалекты близки к украинскому, паннонские диалекты практически идентичны шарышскому диалекту восточнословацкого микроязыка.

Кодифицированный в 1995 году в Словакии вариант имеет до 80 % общих с литературным украинским языком слов. В русинских диалектах Польши встречаются заимствования из польского языка, в диалектах Закарпатья и Словакии имеются заимствования из венгерского языка, однако и в самом венгерском сильно ощущается влияние окружающих славянских языков, в том числе и русинского.

Распространение диалектов

Подкарпатские (долинянские и верховинские) русинские диалекты распространены в Закарпатской области Украины и, отчасти, в Прешовском крае (столица Прешов) в северо-восточной Словакии.

Долинянские делятся на две группы: западная (лемацкие) и восточная (мараморошские / лишацкие). Лемацкие диалекты распространены от долины Боржавы на востоке до долины Цирохи в северо-восточной Словакии на западе. Мараморошские распространены от долины Рики и хребта Великий Дил на западе до долины Тересвы на востоке.

Верховинские диалекты распространены в Межгорском и Воловецком районах Закарпатской области, являются переходными между бойковскими и долинянскими. Верховинцами называют потомков бойков, переселившихся в горные районы Подкарпатья начиная с XVII века.

Лемковский распространён за пределами Украины в Прешовском крае (столица Прешов) в Словакии.

Часть лемков идентифицирует себя как украинцев и считают свой язык диалектом украинского. Часть определяет себя в качестве отдельного народа со своим языком.

Литература

Геровский Г. Язык Подкарпатских Русин. М., 1995.

Гарайда И. Грамматика руського языка. Унгар, 1941.

- Дэже Л. Деловая письменность русинов в XVII–XVIII веках: Словарь, анализ, тексты / Под общ. ред. Иштвана Удвари. Nyíregyháza, 1996.
- Николаев С. Л., Толстая М. Н. Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.
- Олашин А. История Закарпатья. Мукачево., 2009.

- Сидор Д. Грамматика русинского языка. Для русинов Украины, Центральной Европы и Америки. Ужгород, 2005.
- Супрун А. Е. Введение в славянскую филологию. Минск. 1989.
- Чарский В. В. Южнорусинский язык в свете языковых контактов (лингвогенетический аспект). М., 2008.
- Чарский В. В. Русинский язык Сербии Хорватии в свете языковых контактов. Лингвогенетический аспект. Щелково. 2001.

Русский язык в Казахстане: национальные стереотипы в средствах массовой информации

Д. Б. Аманжолова

Тюркская академия (Астана, Казахстан)

Средства массовой информации, русский язык, национальные стереотипы, метафора

Summary. This paper presents an analysis of metaphor of Kazakhstan publicistic discourse, the role of national stereotypes in the perception of the image of Kazakhstan, metaphorically represent in Kazakh media.

Современное казахстанское общество, развиваясь и изменяясь, подчинено тем многочисленным законам, которые продиктованы так называемой «медиатизацией» общества, т. е. усилением роли массовой коммуникации. И это вполне закономерно, учитывая активизирующиеся глобализационные процессы, обуславливающие формирование информационно-языковой культуры казахстанского социума. Основным поставщиком информации на сегодняшний день, бесспорно, являются средства массовой коммуникации, которые имплицитно (а зачастую и эксплицитно) дают оценку существующей действительности, воздействуя на сознание потребителя (адресата).

Язык публичной вербальной коммуникации чутко реагирует на изменение в обществе, наглядно отражает тенденции в развитии языковой ситуации, которые являются существенными для анализа этнической ситуации в целом.

Говоря о языковой ситуации современного Казахстана, необходимо отметить следующие особенности: 1) языковое разнообразие этноязыкового ландшафта (по итогам переписи в Республике Казахстан 1999 года — 126 языков); 2) доминирование титульного казахского и русского этносов в количественном отношении над остальными этносами [Судейменова, Шаймерденова, Аканова 2007: 14].

В республике Казахстан свыше 70% из почти 1700 печатных изданий и более 80% из 120 электронных СМИ выходит на русском языке, книжный рынок заполнен русскоязычной литературой, доступны российские теле- и радиоканалы [Журавлева]. Функционируя в языковом пространстве Казахстана, русский язык «контактирует с другими языками и, соответственно, присваивает новые знания, отображающие социально-культурные условия, в которых он развивается. Будучи тесно связанным с мышлением индивида, его деятельностью, социально-психологическим устройством, знанием о мире, язык структурирует языковую личность, в частности лингвокогнитивный (тезаурусный) ее уровень» [Шаова 2005: 203].

Это и обусловило выбор объекта исследования, которым стали русскоязычные СМИ Казахстана, в которых метафорически репрезентирован образ страны и ее общественно-политические субъекты. В этой связи интересным является определение роли национальных стереотипов (в частности автостереотипов) в восприятии образа Казахстана, что позволит выявить важные реальные тенденции, получившие развитие в современном казахстанском обществе.

Метафоры в русскоязычных казахстанских СМИ рассматриваются в тесной связи с культурой, в рамках которой она возникла, что позволяет получить информацию о духовной и материальной жизни общества, ценностных ориентирах и т. п. «Присущие концептуальной метафоре свойства... играют каталитическую роль в осмыслении мира, в становлении и формировании определенной языковой картины мира» [Шаова 2005: 9], которая, являясь субсистемой в национальной картине мира, национально специфична по своей сути.

Анализ метафорики казахстанских периодических изданий показал, что в большинстве случаев при осмыслении общественно-политической жизни страны функционирует *метафора организма*: субъекты политической и экономической сферы репрезентированы в образе человека, его органов, частей тела и т. п. Подобные метафоры национально специфичны. Так, например, жизненно важным человеческим органом является *сердце*. В политическом дискурсе ярким, устойчивым и частотным (во многом благодаря книге Президента Н. А. Назарбаева «В сердце Евразии») является метафорический образ столицы Астаны: «Существенно вырос экономический потенциал столицы. Городские власти важнейшее значение придают социальному развитию *сердца страны*» (Казахстанская правда. 23.10.05); «Столицей независимого Казахстана стала Астана — прекрасный город в самом *сердце Евразии*, поражающий всех темпами своего роста» (Казахстанская правда. 30.12.05).

Наиболее актуализированной при концептуализации образа современного Казахстана является метафора *семьи (дома)*, которая нередко репрезентирует отношения между разными странами: «Безусловно, мы заинтересованы в том, чтобы между Кыргызстаном и Казахстаном, учитывая общность нашей ментальности и культуры, складывались подлинно *семейные отношения*» (Казахстанская правда. 23.04.05). Очень часто в казахстанской прессе Россия и Казахстан персонафицируются в образе родственников: «Начало года ознаменовалось принятием *северным братом* эстафеты дружбы и нового сближения. С визитом в Астану Владимира Пугина стартовал год России в Казахстане» (Новое поколение. 16.01.04).

Наибольшую частотность в русскоязычных СМИ Казахстана приобрела метафора «*шанырак*», являющаяся одним из главных символов цивилизации кочевников, в том числе казахской культуры. Шанырак — это верхняя часть купола юрты (жилище кочевника) в виде деревянного обода. В прессе метафора *шанырак* актуализирует значение дружбы и единства. Например: «Ассамблея народа Казахстана — колыбель единства и согласия страны, *благословенный шанырак* единства и стабильности» (Казахстанская правда. 09.06.10); «*Под большим шаныраком* место на авансцене поочередно занимали представители дружной семьи Казахстана» (Казахстанская правда. 29.10.07).

В большинстве своем автостереотипы Казахстана имеют положительный смысл, исключение составляет *метафора болезни*, которая выражает негативную оценку по отношению к различным событиям в стране и за ее пределами. К примеру: «И вот наше общество вдруг стал поражать *вирус манкуртизма*, заставивший в одночасье забыть о привитых за советский период уважении и толерантности к представителям других братских народов...» (Central Asia Monitor. 30.04.09.).

Изучение стереотипов, метафорически репрезентирующих казахстанское общество, позволяет сделать вывод об основных концептуальных векторах высказываний о Казахстане, а следственно, и способах ее восприятия в той части

общества, картина мира которого формируется под влиянием СМИ.

Литература

Журавлева Е. А. Русский язык в Казахстане: статус, сферы использования и особенности лексической системы: [http://uapryal.com.ua/training/zhuravleva-e-a].

Сулейменова Э. Д., Шаймерденова Н. Ж., Аканова Д. Х. Языки народов Казахстана. Социолингвистический справочник / Отв. ред. Э. Д. Сулейменова. Астана, 2007.

Шаова О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

О некоторых факторах в описании языковой ситуации

Л. Л. Аюпова, Э. А. Салихова

Башкирский государственный университет, Уфимский государственный авиационный технический университет (Уфа, Россия)

Билингвизм, трилингвизм, полилингвизм, ценностные ориентации, языковая ситуация

Summary. This paper focuses on the consideration of such subjective factors in language situation description, as a language competency and a valuable purpose of the individual — monolingual or polylingual.

Материалы многолетних наблюдений над речью разновозрастных би- / три- и полилингвов показывают, что способность объективации слова как самостоятельной действительности, как «значащей формы» развивается в направлении преодоления ситуативной прикованности, когда говорящему приходится решать две и более коммуникативные задачи эквивалентными средствами двух / трёх языков, реализуя одну интенцию [Аюпова, Салихова 2006]. Именно в процессе «переключения кодов» происходит противопоставление планов выражения и содержания, что и является предпосылкой постижения отношения «форма-значение». Современная трактовка *языковой компетенции* предполагает совокупность языковых знаний, навыков и умений, степень овладения которыми позволяет не только осуществлять речевую деятельность (в т. ч. иноязычную) в соответствии с языковыми нормами изучаемого языка в различных сферах деятельности, но и развивать языковые способности носителей языка / языков.

Языковая компетенция вместе с понятием «ценностные ориентации» относится к числу *субъективных* факторов. Но, как известно, соотношение объективного и субъективного порождает ту диалектику, тот механизм воздействия на языковые процессы (ситуацию), которые на определенном этапе языкового развития создают специфику, своеобразие языковой жизни социума в том или ином регионе. Наиболее явственно эти параметры проявляются в вопросах государственного языка, в кадровой политике, межнациональных отношениях, а также обучения / усвоения второго (неродного / межнационального) языка.

В языковом развитии Республики Башкортостан (РБ) четко прослеживаются оба этих фактора. Основной закономерностью развития национально-языковых отношений в республике является совершенствование билингвизма и трилингвизма, которые, будучи отличительными чертами современной республики, стали едва ли не нормами языковой действительности. Однако ведущим на протяжении многих лет выступал национально-русский тип двуязычия, который с позиций сегодняшнего дня и происходящих этнополитических событий в стране можно оценивать по-разному. С одной стороны, овладение нерусским населением русским языком, ставшим по объективным историческим причинам языком межнационального общения, приобщило коренное население республики не только к культуре, искусству, образованию, науке страны, но и к мировой цивилизации. С другой стороны, непаритетный характер этого билингвизма привел к сужению сфер функционирования башкирского и других этнических языков республики, а также к снижению уровня владения языком.

В настоящее время происходит изменение содержания башкирско-русского двуязычия в сторону возрождения и расширения социальных функций башкирского языка. Этому способствуют, прежде всего, такие доминантные сферы языкового применения, как обучение и воспитание. Словом, предпринимается попытка создать условия для функционирования двустороннего билингвизма. Однако для достижения полноценного билингвизма необходима последовательность в билингвистическом образовании, воспитании, культуре, а также продуманная система мер языкового строительства, учитывающая социолингвистические условия республики.

Анализ публикаций местных газет, теле- и радиопередач показывает резкую переоценку ориентации в плане взаимодействия языков: от признания этого явления как объективного и прогрессивного процесса до изоляции языка автохтонов с целью сохранения его «чистоты» (см. напр., отдельные интернет-форумы по данной тематике). Это направлено на культурно-языковую ориентацию прежде всего торкоязычного населения Башкортостана (15 торкоязычных этносов живет в РБ), которое вместе взятое составляет больше половины населения республики. Если к сказанному добавить имеющееся количество турецко-башкирских гимназий, то в таких сферах языкового применения, как образование, воспитание, массовая информация, турецкий след довольно заметен, но не в такой степени, как в республиках Средней Азии и Казахстане. Более того, турецкое языковое присутствие в Башкортостане все же носит характер временной социолингвистической переменной, хотя бы потому, что турецкий язык, равно как и арабский, вряд ли займет надлежащее место в сфере науки и техники Башкортостана, а также высшего и естественно-технического образования.

К числу *объективных* можно отнести: 1) наличие языковой среды для компактно расселенных 13 этносов, языки которых обладают определенной социальной и коммуникативной базой; 2) работа созданных в постсоветский период культурно-просветительских и национально-общественных центров (напр., башкирские «Урал» (БНЦ) и «Кук буре» («Серый волк»), «Ак тирмэ» («Белая юрта»), ТОЦ (татарский общественный центр), чувашский «Нарспи», «Русь» и др.); 3) городской или сельский тип расселения национальных языков. Третий фактор представлен следующими показателями применительно к РБ: 42,3% всех носителей башкирского языка живут в городе и 57,7% — в сельской местности; татарского соответственно — 57,8% и 42,2%; русского — 83% и 17%; чувашского — 61,4% и 38,6%; марийского — 33,2% и 66,8%. За последние три десятилетия число горожан увеличилось примерно на 16%, а селян уменьшилось на 14,2%, т. е. отмечается прогрессирующая урбанизация полиэтничного Башкортостана. Более всего увеличилось горожан башкирской национальности — на 38,7%, русских — на 5,5%, татар — на 25%, чувашей — на 26%, марийцев — на 49%, удмуртов — на 39,4%. Происходит уменьшение количества горожан — латышей, немцев, евреев в связи с их выездом из республики [Аюпова 2000].

Модель языкового применения Башкортостана более демократична, чем в странах дальнего и ближнего зарубежья: тринадцать языков (не включая иностранные) в республике имеют обучающие функции или преподаются как предмет, на 14 языках издаются газеты и журналы и т. д. По мере накопления фактов, изучения языковой действительности, функционирования языков вопросы языковой компетенции личности моно-, билингва, его (и в целом этносоциума) ценностных ориентаций описанию языковой ситуации будет существенно дополнено учеными.

Литература

Аюпова Л. Л. Языковая ситуация: социолингвистический аспект. Уфа, 2000.

Аюпова Л. Л., Салихова Э. А. Социолингвистика: Учебное пособие. Уфа, 2006.

Наименования артефактов войны в жаргоне «копателей»

Б. Л. Бойко

Военный университет Министерства обороны РФ (Москва, Россия)

Социально-групповой диалект, язык субкультуры, военный жаргон, жаргон копателей

Summary. The specific subculture of the war artifact diggers as well as the certain conditions of communication within this social group influence figurativeness and expressiveness of their language.

Стремление к внутригрупповому общению имеет различные формы — непосредственные контакты людей, принадлежащих к сообществу тех, кто собирает артефакты войны. Другая форма общения — интернет-форумы, где изначально устный язык общения, отражающий специфику поиска, собирательства и сбыта, получает письменное закрепление [Форум...]. Принадлежность к сообществу самостоятельных поисковиков находит выражение в общем языке — сленге, жаргоне, выработке неписанных основ морали и норм общения в своей среде и с «чужаками», внутреннее разделение по интересам и отношением к занятию поиском — создание собственных коллекций или поиск артефактов войны на предмет сбыта. Общность условий «труда» — пребывание на природе, на болотах и лесах, в местах, удаленных от человеческого жилья, вблизи массовых захоронений, как правило, никак не обозначенных — связано с возникновением фольклора поисковиков — так называемых баек, содержанием которых становятся удивительные приключения, сдобренные определенной долей суеверий и мистики [Сленг...].

Социально-групповая лексика в ее жаргонном слое отличается образностью и экспрессивностью. Образность внутренней формы слова опирается на метафорическое видение осмысления предметного мира, экспрессивность — на принадлежность к экзотической группе поисковиков и на условия общения, не обремененных каким-либо политезмом. В дороге к местам поиска, на местности, где когда-то шли бои, звучит специфическая речь поисковиков. В ней, участники боевых действий, их вооружение и снаряжение именуются не так, как они закрепились в книжной речи [Бондарев 2004]. В книжной речи этим наименованиям предлагаются упрощенные аналоги, не затрудняющие восприятие текста за пределами военной среды: *зенитки* вместо *зенитные орудия*, *комбат* вместо *командир батальона*, *бомба* вместо *авиационная бомба*. Жаргонная лексика копателей именует артефакты войны, не только обобщая и упрощая термин или номенклатурную единицу, но и кодируя ее в интересах криптолалии общения (посторонним не должно быть понятно то, о чем идет речь) но и оформляя ее стилистически — эта единица должна отвечать требованиям простоты восприятия, образности и экспрессии, требованиям, которые предъявляются экзотическим сообществом к предметам своей речи.

Требованиям криптолалии общения отвечает основная масса наименований стрелкового оружия, в этих наименованиях одновременно содержится образность и экспрессия: *плётка* 'любая снайперская винтовка', *Гоша* 'пулемет Горюнова', *токарь* 'пулемет Токарева' (ТТ), *папаша*, *деготь* 'ручной пулемет Дегтярева', *моська*, *мося*, *мосинка* 'винтовка Мосина', *труба* 'миномет', *банка маслят* 'цинк с патронами', *кураца с цыплятами* 'любое автоматическое оружие с патронами'. Образность и экспрессивность сохраняются и в жаргонных наименованиях артефактов, не относящихся к кодируемым предметам войны: *сбруя* 'полный комплект снаряжения солдата или офицера', *сухарка* 'сумка для продовольственного пайка', *клифт* 'мундир, верхняя

одежда', *ржачка* 'ржавые металлические предметы', *тряпье* 'остатки обмундирования военнослужащего'.

Транскрипция, калькирование, знание немецких терминов или единиц немецкого военного жаргона лежит в основе создания эквивалентных жаргонных единиц в социально-групповом диалекте копателей: *косторез* 'немецкий пулемет МГ-42' (Knochenmühle), *Моцарт* 'маузер', *джем* 'немецкая коробочка для масла и джема', *шпринга* 'выпрыгивающая мина' (Springmine), *эмгач* 'немецкий пулемет МГ' (MG, Maschinengewehr), *эмтэха* 'немецкий пистолет-пулемет МР' (MP, Maschinenpistole), *дубина*, *фауст*, *стальной кулак* 'фаустпатрон' (нем. Faustpatron, ср. нем. Faust кулак), *норды* 'немецкая дивизия Нордланд' (Nordland), *люфт* 'военнослужащий немецких ВВС' (Luftwaffe), *флайш*, *флейш*, *мороженое мясо* 'немецкая медаль за зимнюю кампанию 1941/42 гг.' (Winterschlacht im Osten), *железка* 'железный крест' (EK, Eisernes Kreuz), *сундук мертвеца* 'ящик с документами или наградами'.

Эвфемизация лежит в основе наименований принадлежности погибшего к армиям, принимающих участие в боях. Достаточно обширен ряд жаргонных наименований убитых немецких солдат: *бош*, *ганс*, *фриц*, *бош*, *колбасник*, *джерри*, *капутник*; *копф* — солдат эсэсовской дивизии «Мертвая голова» (Totenkopf). Погибшие солдаты и офицеры советской армии именуются *иван*, *совок*, *зольдат*, *мужик*. Представители других наций — *румыняк* 'румын', *перкелье* 'эстонский доброволец', *рыжый* 'скандинавский доброволец', *томми* 'британский солдат', *макаронник*, *айти* (от англ. IT) 'итальянец', *янки* 'американский солдат'. Частичной эвфемизацией с добавкой грубого натурализма характеризуются наименования мест захоронений погибших — *лежак*, *мертвяк*, *могилятник*, сохранившихся отдельные части тела погибшего — *коробочка* 'череп', *арматура* 'кости'.

Жаргонных единиц, сохранившихся в языке копателей со времен войны, чрезвычайно мало — *мыло* 'тол' (тринитротолуол), *чемодан* 'снаряд дальнобойной артиллерии крупного калибра' (ср. нем. Koffer), *фенька*, *эфка* 'ручная осколочная граната Ф-1'. Чаше находим лексические единицы времен Второй мировой войны [Коровушкин 2000], однако с совершенно иным значением: *самовар* 'миномет' → 'огнемет', *горшок* 'морская мина' → 'каска', *морковка* 'воздушная цель в форме парусинового конуса, буксируемого самолетом' → 'мина к немецкому 50-мм миномету', *коробка* 'небольшой надводный корабль, танк' → 'магазин под боекомплект', *рогатый* 'немецкий истребитель с РЛС на борту' → 'немецкая каска М-18' и др.

Литература

Бондарев Ю. В. Горячий снег. Батальоны просят огня. Роман, повесть. М., 2004.

Коровушкин В. П. Словарь русского военного жаргона = The Dictionary of Russian military jargon: нестандарт. лексика и фразеология вооруж. сил и военизир. орг. Рос. империи, СССР и Рос. Федерации XVIII–XX веков. Екатеринбург, 2000.

Сленг (разговорник) «людей с лопатой» [http://ww2.ru/forum/index.php?showtopic=134141].

Форум портала кладоискателей [http://reviewdetector.ru/index.php].

Типология русской провинциальной речи

И. А. Букринская, О. Е. Кармакова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Традиционный диалект, региолект, варианты литературного языка

Summary. In this paper the colloquial speech of the inhabitants of provincial Russian towns is studied. Majority of people use regiolect (modernized dialect or «new» dialect). The authors also analyze the dialectal features characterizing regional adaptations of the literary language in different areas of Central Russia.

1. В отечественной диалектологии начиная с 30-х гг. XX в. обращалось внимание на гетерогенный характер русских го-

воров: в их составе выделяли традиционный (архаический) и передовой слон, а также различные переходные формы.

Подобное расслоение было связано с социально-политическими процессами, проходившими в деревне после революции. В пору преобразований в сельском хозяйстве (период коллективизации) все проявления материальной и духовной жизни старой русской деревни объявлялись пережитками прошлого. Выселялись из родных мест целые семьи, для самих крестьян деревня превратилась в место, откуда надо было бежать, чтобы спастись. В результате традиционная крестьянская культура оказалась значительно разрушенной, а несколько поколений уроженцев деревни сознательно отказывались от родного говора. Некоторые исследователи прогнозировали быстрое и полное исчезновение архаических говоров, повсеместный переход к промежуточным формам и литературному языку, но эти прогнозы, к счастью, не оправдались. Традиционные говоры сохранялись вплоть до конца века и были основным типом народно-разговорной речи, о чем свидетельствуют материалы, собранные для Диалектологического атласа русского языка, региональных словарей, Лексического атласа русского языка. Однако число носителей говора постоянно уменьшается.

В конце XX — начале XXI в. русские деревни постепенно пустеют, их жители переселяются в поселки городского типа, небольшие города, при этом возрастает влияние литературного языка на диалекты, происходит смешение соседствующих говоров. В то же время местные языки изменяются не только под влиянием этих факторов, но и благодаря эволюции самой системы говора.

2. Изучению речи небольших провинциальных городов посвящено данное исследование. Материалом для него послужили записи речи жителей районных центров Европейской части России и окружающих их деревень: г. Неveltя Псковской области, пгт. Любытина Новгородской области, г. Белозерска и г. Устюжны Вологодской области, г. Варнавина Нижегородской области, г. Кимовска и пгт. Елифани Тульской области, сделанные в экспедициях 2002–2011 г.

В современной провинциальной речи нами были выделены следующие языковые страты: 1. **традиционный диалект**; 2. **региолект (трансформированный диалект)**; 3. **региональный вариант литературного языка**; 4. **смешанные типы речи**; 5. **просторечие**.

3. Экспедиции последнего времени свидетельствуют, что традиционный говор до сих пор сохраняется, сохранность зависит от географического и социально-экономического факторов. Но большая часть жителей малых городов и окружающих их деревень владеет трансформированным вариантом диалекта, который в исследованиях последнего времени называют региолектом. Этот термин был предложен петербургскими лингвистами В. И. Трубинским и А. С. Гердом. Региолект — «особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта и развились новые особенности. Это форма, с одной стороны, не достигшая еще статуса стандартного литературного языка, а с другой — в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием» [Герд 2005 : 22].

Трубинский называет трансформированный диалект «новым диалектом» и делает важный вывод о том, что происходит стабилизация народно-разговорной речи. Современные диалекты, утратив некоторые архаические черты, перестают быть подвижными, выравниваются и преобразуются в системы более устойчивые и менее склонные к изменениям, сохраняя противопоставленность литературному языку по целому ряду признаков на всех уровнях языка [Трубинский 2004].

4. Местные уроженцы, получившие среднее и высшее образование, владеют литературным языком, в котором сохраняется небольшое количество наиболее устойчивых фонетических диалектных черт, а также местная лексика. Такой вариант ЛЯ называется регионально (локально) окрашенным. Так, например, юго-западный вариант регионально окрашенного ЛЯ характеризуется следующими чертами: диссимилятивным аканьем — [вѣдá], [γ]-фрикативным, имеющим глухую пару [x]: *дпу[γ]а — дпу[x]*, отвердением губных на конце слова — *се[М], воce[М]*; северо-восточный — неполным оканьем и утратой интервокального *j* с последующим стяжением: *работаат, сделат, ячменно тиво*. Подобные фонетические особенности устойчивы, так как не влияют на понимание речи, а следовательно, не мешают общению, т. е. «коммуникативно безопасны». Однако возникает вопрос, допустимо ли считать диалектно окрашенную речь литературным языком?

Проблемы, связанные с определением статуса региональных вариантов литературного языка, не раз обсуждались лингвистами, но до сих пор остаются дискуссионными. Действительно, подобные особенности не кодифицированы, однако представляется, что при определении статуса устной речи на первом месте должна стоять речевая практика — узус. Если в регионе речь образованных людей (учителей, работников ТВ, СМИ, культуры, представителей органов власти) характеризуется небольшим количеством локально окрашенных черт, то допустимо подобный тип речи считать региональным вариантом ЛЯ. Сторонников такого подхода в последнее время становится все больше, что связано с общей демократизацией общества.

5. Между перечисленными типами речи нет четкой границы, а существует большое количество различных переходных и смешанных вариантов. Важнейшим критерием при разграничении регионального варианта ЛЯ и смешанных типов речи является наличие в последних грамматических диалектизмов, многие из которых затрудняют коммуникацию и имеют яркую стилистическую окраску. По нашим материалам, подобная форма речи характеризует в большей степени мужчин, так как их образ жизни предполагает большую мобильность и они почти не сохраняют связи с традиционной культурой.

Литература

- Герд А. С. Введение в этнолингвистику. М., 2005.
Трубинский В. И. О новых территориально-системных образованиях в русской разговорной стихии // Русский язык: исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2004.

О научной транслитерации украинских названий

М. О. Вакуленко

(Киев, Украина)

Орфографическая трансплантация, научная транслитерация, украинская латиница, взаимная однозначность, транслитерационный стандарт

Summary. Scientific approach to Cyrillic-Latinic transliteration is formulated for the Ukrainian language. The principles backgrounding the transliteration system and the tables themselves, are deduced on the basis of the methods of terminology as a science. It is shown that orientation at any mediative language (e. g. English) is incompatible with the transliteration approach and leads to the loss of equivalence between initial and net forms.

Для надлежащего представления украинского языка в международном общении (в документах, договорах, паспортах, печатных изданиях и картах, на табличках, логотипах и дорожных знаках, в международных телеграммах, электронной почте и т. д.) необходимо иметь соответствующий стандарт, базирующийся на принципах украинской латиницы (УЛ) (см. [Вакуленко 1999], [Вакуленко 2004], [Вакуленко 2010]),

которые развивают и обобщают научные подходы к транслитерации — в частности, требование орфографической трансплантации иноязычных названий в языке-реципиенте [Суперанская 1978: 25] и требование взаимной однозначности исходного и транслитерированного текстов [Маслов 2007: 284].

Разработка УЛ Терминологической комиссии по естественным наукам (ТКЕН) Киевского национального университета

имени Тараса Шевченко (КНУ) как украинской части *восточнославянской латиницы*, включает в себя научное обоснование, принципы транслитерации, транслитерационные таб-

лицы и компьютерную реализацию (см. [Вакуленко 1999], [Vakulenko 2004], [Вакуленко 2010], а также [http://translit.ndivision.net]).

Таблица 1: Общая украинская латиница

А а — A a	Б б — B b	В в — V v	Г г — Gh gh	Ґ ґ — G g
Д д — D d	Е е — E e	Є є — Je je	Ж ж — Zh zh	З з — Z z
И и — Y y	І і — I i	Ї ї — Ji ji	Й й — J j*	К к — K k
Л л — L l	М м — M m	Н н — N n	О о — O o	П п — P p
Р р — R r	С с — S s	Т т — T t	У у — U u	Ф ф — F f
Х х — Kh kh	Ц ц — C c	Ч ч — Ch ch	Ш ш — Sh sh	Щ щ — Shh shh
Ю ю — Ju ju	Я я — Ja ja	Ь ь — J j**		

* в начале слова, после гласных и апострофа; ** после согласных.

Эта таблица вносит колоссально незначительные поправки к ГОСТ 16876-71: *z — gh, r — g, u — y, i — i, й — j, ь — j* (после согласных).

Апостроф ставится перед йотированными *ja, ju, je, ji, jo* при отсутствии смягчения и для отделения *j* от последующих гласных в буквосочетаниях *ja, ju, ie, ii, ьa, ьy, ьe: V'jynu, pid'jom, Volynj'aghorprom, raj'uprava*.

Высокий научный уровень этой разработки отмечен отечественными и зарубежными специалистами и потребителями — в частности, МВД Украины (письма от 6.02.1996, от 18.03.1998) и Госстандартом России (письмо № 510-34/268 от 12/05/97). Компьютерная программа “Українська латиниця”, как практическое приложение к разработке ТКЕН, инсталлирована в ряде государственных институций — в частности, в НБУ имени В. И. Вернадского и МВД Украины. УЛ является транслитерационным стандартом по умолчанию домена UA и коррелирует с русской и белорусской частями Межгосударственного стандарта СИБД 7.79-2000. Надстройка нашей схемы восточнославянской латиницы используется в онлайн-словарях (sum.in.ua, gumu.in.ua) и доступна на сервисе Google Code: <http://code.google.com/p/cyr2url/> [Макуха]. А 16.11.2000 эту систему УЛ одобрила академическая Транслитерационная комиссия, являющаяся, согласно поручению Кабмина и Президента НАН Украины Б. Патона (письма № 129/444-1 от 24.04.2000, № 129/665-10 от 09.06.2000, № 129/78 от 16.10.2000), «верховным арбитром» разработок в вопросах украинской транслитерации.

Впрочем, довольно массовым в Украине является «английский» подход, базирующийся на системах Британского музея и Библиотеки Конгресса США, который подстраивает прочтение украинских слов под правила английского языка. Это искусственно ограничивает внешнюю функциональность украинского языка и способствует закреплению его неравноправности, что контрастирует с мировой практикой, где превалирует иная тенденция — сохранение национальных особенностей языка-производителя. 27.01.2010 Кабмин Украины утвердил постановление № 55 по транслитерации, подготовленное без обсуждения с компетентными специалистами и вопреки решению Транслитерационной комиссии. Приложение к этому постановлению, вследствие

нарушения утвержденных Госстандартом Украины 18.10.95 основных принципов транслитерации, приводит к искусственному отождествлению ряда букв с буквосочетаниями: “щ” и “шч”, “ц” и “тс”, “я” и “ja”, “ю” и “ju”, “е” и “je” — и мягких согласных с твердыми. Поэтому становится не возможным различить онимы *Шишченко* и *Шищенко*, *Левицкий* и *Левитский*, *Брокгауз* и *Брохауз*, *Пії* и *Пій*, *Лар'їн* и *Ларін*, *Мар'ян* и *Маріан*, *Клаузіус* и *Клауэс*, *Донка* и *Донька*, *Польова* и *Полова*, *Лялько* и *Ліалко*, *Галченко* и *Гальченко*, *Ліана* и *Ляна*, *Медіана* и *Медяна*, *Возіанов* и *Возянов*, *Гундеріан* и *Гундерян* и т. п. — что значительно усложняет задачу идентификации личности. Также невозможно воспроизвести сокращенные слова и аббревиатуры: *кг, лісгосп, ІЕКО, КПЦА, УНІАН*. Для Киева — выдуманная форма *Київ* (*K'iv / Kuyv / Kuiv / Kuiv*, прочтение — “Кайв” или “K'iv”) — которой нет ни в одном языке и вследствие чего иностранцы употребляют экзоним *Kiev*. А название *Україна* записывается как *Ukraina* — без каких-либо признаков национальной принадлежности.

Госпотребстандарт Украины должен закрепить ГОСТ 16876-71 за ТК-144, сфера полномочий которого более соответствует этому стандарту, и на основе решения Транслитерационной комиссии принять и внедрить национальный стандарт УЛ.

Литература

- Вакуленко М.* Наукові засади відтворення запозичених та іншомовних слів: інваріантна транскрипція і транслітерація // Вісн. Книжк. палати. 1999. № 10. С. 6–9; № 11. С. 15–18.
- Вакуленко М.* Сучасні аспекти застосування української латиниці // Наукові записки. Випуск 89 (2). Серія: Філологічні науки (мовознавство): У 5 ч. Кіровоград, 2010. С. 140–145.
- Макуха А. В.* Ukrainian URL: зворотна транслітерація у будові онлайн-словників та веб-сайтів. Веб-ресурс http://upload.wikimedia.org/wikimedia/ua/f/f9/WikiConf_2011_Ukraine_-_Makukha_-_Paper.pdf.
- Маслов Ю. С.* Введение в языковедение. Изд. 6-е, стер. М.: СПб., 2007.
- Суперанская А. В.* Теоретические основы практической транскрипции. М., 1978.
- Vakulenko M.* Simple-correspondent transliteration through a Slavonic Latin alphabet // Journal of Language and Linguistic Studies. Vol. 3, Issue 2, 2004. P. 213-228.

Функционирование и преподавание русского языка в высших учебных заведениях Украины

А. Л. Вусик

Бердянский государственный педагогический университет (Бердянск, Украина)

Русский язык, статус языка, закон

Summary. The author considers the problem which in today's time is very relevant in the CIS countries and in the functioning and teaching Russian language in higher education. The analysis of the situation in Ukraine.

В новых социально-политических условиях, когда Украина перестала быть частью единого многонационального государства и стала, как и все другие бывшие республики СССР, независимой страной, отношение к русскому языку несколько изменилось. Все «ниши», образовавшиеся в результате политических преобразований, разного типа рево-

люций (силовых, «оранжевых» и прочих), смен правительств, образовательных реформ и других процессов на постсоветском пространстве, занял английский язык. Изменение статуса, роли и функциональной значимости русского языка в официальных языковых концепциях независимых государств постсоветского пространства привело к сокра-

шению мотивационных факторов изучения русского языка и, как следствие, к относительному снижению в Украине среднего уровня владения русским языком.

Статус русского языка на Украине, как и других языков, регулируется целым рядом указов, законов и постановлений, среди которых можно выделить следующие положения Конституции Украины, которые являются нормами прямого действия:

«...В Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины. Государство содействует изучению языков международного общения. Применение языков в Украине гарантируется Конституцией Украины и определяется законом.» (Конституция Украины, ст. 10);

«...Не может быть привилегий или ограничений по признакам расы, цвета кожи, политических, религиозных и других убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного положения, места жительства, по языковому или другим признакам...» (Конституция Украины, ст. 24);

«...Гражданам, принадлежащим к национальным меньшинствам, в соответствии с законом гарантируется право обучения на родном языке либо на изучение родного языка в государственных и коммунальных учебных заведениях или через национальные культурные общества...» (Конституция Украины, ст. 53).

14 декабря 1999 года Конституционный суд Украины принял решение о толковании положений статьи 10 Конституции (№ 10-рп / 99), подтверждающее право граждан на употребление и изучение языков национальных меньшинств в учебном процессе в государственных и коммунальных учебных заведениях страны (п. 2), а также право осуществления полномочий местными органами исполнительной власти и самоуправления наряду с государственным украинским, на русском и языках других национальных меньшинств (п. 1).

На территории Украины специалистов по русскому языку и литературе обучают в 32 вузах. Часть вузов готовит студентов только по специальности «русский язык и литература». Это национальные университеты (Донецкий, Днепропетровский, Запорожский, Харьковский, Одесский, Черкасский, Киевский, Таврический, Прикарпатский, Ужгородский, Львовский), государственный университет (Волынский), национальные педагогические университеты (Тернопольский, Луганский), государственный педагогический

университет (Бердянский), государственный гуманитарный университет (Мариупольский).

Следует отметить и то немаловажное обстоятельство, что из года в год процент русскоязычных студентов значительно сокращался:

- а) из-за оттока европейского населения в другие страны;
- б) из-за уменьшения самого количества школ с русским языком обучения.

В Украине в целом по многим причинам снижается уровень владения русским языком. На факультеты русского языка и литературы приходит молодёжь с низким стартовым уровнем владения разговорным русским языком и знаний по русской грамматике.

Интересным фактом является и то, что Министерство образования и науки Украины издало указ, согласно которому с 2008 года все украинские школьники, обучавшиеся на русском языке, должны будут сдавать вступительные экзамены в вузы исключительно на украинском. Находим изменения статье 5 закона «О высшем образовании», которая определяет язык обучения. Вместо «язык (языки) обучения в высших учебных заведениях определяется в соответствии с Конституцией Украины и законом Украины о языках», предлагает определить украинский язык единственным для получения высшего образования. Со временем этот указ отменили, но шума и ажиотажа он вызвал у многих. Все средства массовой информации поднимали тогда вопрос о том, что идет реализация линии на вытеснение русского языка. Это мероприятие стоит в ряду и других акций действующей власти, в частности, решение Конституционного суда с требованием дублировать или, по крайней мере, титровать фильмы на иностранных языках, переводить фильмы на украинский язык, хотя бы в титрах. И это происходит в стране, которая стопроцентно владеет русским языком. В частности, решение, об обязательной сдаче вступительных экзаменов в вузы на украинском языке выпускниками русских школ полностью находится в русле этого тренда. Молодой человек, желающий получить высшее образование, должен на определенном уровне владеть государственным языком, иначе он просто не сможет поступать в вуз.

25 марта 2010 года Министерство образования и науки установило, что участники внешнего тестирования могут проходить его на том же языке, которым получали среднее образование, за исключением тестов по украинскому языку и литературе, а также по иностранному языку.

Славянский компонент гетерогенной социально-коммуникативной системы (на материале языковой жизни Республик Приволжского Федерального округа Российской Федерации)

В. Р. Галимьянова

Нефтекамский филиал Башкирского государственного университета (Нефтекамск, Россия)

Linguistic competence, a multilingual society, the components of the socio-communicative system

Summary. The paper is about of sociolinguistic problem of Slavic languages in multinational republics of the Volga Federal District (Russian Federation); focuses on the process of language interaction.

Характер социального и языкового взаимодействия в Российской Федерации представляет научный интерес в плане изучения социально-коммуникативных систем и анализа функциональной нагрузки компонентов. Социолингвистический подход в исследовании проблем взаимодействия позволяет рассматривать социальные структуры и язык как явления динамические, устанавливать параметры социальных условий для описания ситуаций многоязычия.

По словам российских ученых А. Н. Баскакова и О. Д. Насыровой, «в социолингвистическом отношении РФ является единым регионом, состоящим из собственно русских краев и областей и национально-территориальных образований — республик, автономных округов и областей, характеризующихся специальными этнолингвистическими и социальными особенностями, но в то же время, имеющих общие черты социальных, коммуникативных и языковых ситуаций» [Бас-

каков, Насырова 2000: 39]. Научный анализ языковых ситуаций регионов России и стран СНГ отражен в работах социолингвистов А. Н. Баскакова, В. М. Солнцева, В. Ю. Михальченко, В. П. Нерознака, В. М. Алпатов, Л. Л. Аюповой.

Учитывая юридический статус языков, можно определить социально-коммуникативные системы как бикомпонентные, то есть состоящие из общегосударственного языка (русского) и республиканского государственного языка (титального языка) в соответствующем субъекте Федерации. Однако фактически эти системы являются поликомпонентными.

Социально-коммуникативные системы Приволжского Федерального округа Российской Федерации характеризуются гетерогенностью. Компоненты социально-коммуникативных систем: славянский (русский, белорусский и украинский), тюркский (татарский, башкирский, чувашский) и финно-угорский (марийский, мордовский, удмуртский).

При этом следует учитывать соотношение слагающих систему элементов, изменяющихся во времени и пространстве.

Этнодемографические, демографические, коммуникативные мощности этих компонентов настолько различны, что это существенно сказывается на характере функционирования компонентов в условиях взаимовлияния и на их функциональной дистрибуции, так как компоненты социально-коммуникативных систем находятся в социально детерминированном распределении по сферам использования и общественным функциям. Например, в Республике Мордовия

Демографическая мощность славянских языков в республиках Приволжского Федерального округа РФ на основе данных о владении языками (по переписи 2002 года — в % от общей численности населения в республике) [Национальный состав]

Языки \ Респ.	Мордовия	Башкортостан	Удмуртия	Марий Эл	Татарстан	Чувашия
русский	99	96	99	98	98	96,5
украинский	0,4	0,6	0,5	0,5	0,5	0,4
белорусский	0,07	0,09	0,08	0,09	0,09	0,07

Необходимо отметить, что под языковой компетенцией понимается владение языком, та или иная степень которого зависит от ценностных ориентаций индивида и социума. Владение предполагает использование разных подсистем национального языка (территориального диалекта и литературной формы) в зависимости от ситуации или сферы общения.

Исследование функционирования языков в многоязычных регионах имеет определенную теоретическую и прикладную значимость, особенно важен анализ языковых состояний и ситуаций в контексте глобализации и этнической самоидентификации.

демографическая мощность русского языка (99%) преобладает над демографической мощностью мордовского (28%), татарского (5%), украинского (0,4%), чувашского (0,08%), белорусского (0,07%), башкирского (0,01%), марийского (0,01%) языков; в Республике Башкортостан демографическая мощность русского языка (96%) преобладает над демографической мощностью татарского (34%), башкирского (26%), чувашского (2,4%), марийского (2,3%), украинского (0,6%), удмуртского (0,5%), мордовского (0,47%), белорусского (0,09%) языков.

Литература

- Аюпова Л. Л., Салихова Э. А. К проблеме изучения языковой ситуации Республики Башкортостан // Система языка: синхрония и диахрония. Уфа, 2009. С. 165-169.
- Баскаков А. Н., Насырова О. Д. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000. С. 34-129.
- Национальный состав и владение языками, гражданство // Всероссийская перепись населения 2002 [Электронный ресурс: <http://www.perepis2002.ru> — дата обращения 23.10.11].

Знаменательный эпизод из истории отечественного славяноведения

В. П. Гудков

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Славяноведение, македонский язык

В научной и научно-педагогической деятельности Самуила Борисовича Бернштейна, определившей развитие славянского языкознания в России середины и второй половины XX столетия примечательны неизменный активный интерес к исследованию македонского языка и стремление побуждать к этому других, особенно молодых, лингвистов. Яркой иллюстрацией сказанного может служить забытое, к сожалению, событие: создание под руководством С. Б. Бернштейна в конце 40-х гг. на славянском отделении филологического факультета МГУ первого в нашей истории дипломного сочинения по грамматике македонского языка. В апреле 1950 го-

да представил на кафедру и успешно защитил выпускную дипломную работу студент Никита Толстой, «Предлог *од* в современном македонском языке» (машинопись, 125 стр.). Это произведение, положительно оцененное научным руководителем и рецензентом В. В. Бородич (отзывы сохранились), является не только фактом биографии автора, будущего академика РАН и иностранного члена ряда зарубежных академий, который впоследствии не раз обращался к реалиям македонского языка, но и ценным историческим свидетельством и как таковое достойно анализа и представления в специальной литературе.

Македонско-чешки јазични и книжевни врски

Ј. Делова-Силјанова

Универзитет „Св. Кирил и Методиј“ (Скопје, Македонија)

Јазични врски, книжевни преводи, културни контакти, македонско-чешки

Summary. Macedonian and czech relations in the field of studying of languages, literature translations and culture.

Задачата и улогата на нашиот текст е да ги прикаже македонско-чешките јазични и книжевни врски. Станува збор за книжевно научна студија за историјата на македонско-чешките јазични, книжевни и културни врски, почнувајќи од заедничкото кирилметодијско наследство, па сè до денес. Појдовен мотив за оваа тема е да се даде преглед на досегашните врски на овие полиња со активна заинтересираност за унапредување на заемното јазично, книжевно и културно запознавање меѓу Македонците и Чесите и за поттикнување на нивна понатамошна активна творечка комуникација.

Целта на оваа студија е да се сумираат досегашните истражувања на македонско-чешките јазични и книжевни врски и да се согледаат временските општествени контексти на раѓањето на преводите на книжевните дела.

При истражувањата од историјата на книжевниот превод, преводите се оценуваат врз позадината на општествената

комуникација, според степенот на изграденост на културните врски, согласно потребите и критериумите на издавачката политика во двете земји — Македонија и Чешка.

Во таквото сфаќање на истражувачкиот комплекс и самите преведувачи стануваат вистински посредници меѓу т. н. јазични и културни заедништва, при што ги согледуваат сличностите и разликите во прифаќањето на информациите во двете или во повеќето социокултурни ареали. На тој начин се покажува дека „највисоката компетенција на преведувачот е интеркултурната компетенција — сфатена како способност да ги прима и да ги интерпретира сигналите од домашната култура и да ги трансферира до системот сигнали во туѓата култура“ [Rakšáňuová 2006: 15]. Тоа е, неспорно точен став, затоа што „во модерните размислувања за преводот, преведувачот се смета не само како посредник меѓу два јазика, туку во поширока смисла и

главно како посредник меѓу две култури — како културен медијатор [Gromová 2006].

Од сето ова произлегува дека најдлабоката смисла на книжевната е смислата за културата, затоа што за формирањето и за развивањето на националната книжевност како најсуштествена се јавува свеста за правото на сопствена култура во чии рамки се изразуваат сопствените надежи и идеали преточени на мајчиниот јазик. Но, отвореноста на една книжевност кон странските хоризонти е неопходна, не само заради збогатување на нивните искуства, туку и заради тоа што во партнерските корелации, во конфронтациите и во натпреварувањето со нив — таа се спознава подобро и самата себеси.

Кога зборуваме за врските и за соодносите меѓу македонската и чешката книжевност, мислиме и на тоа што ги поврзува заедно, а преку поврзувањето и ги динамизира, ги навраќа кон позициите на сопствената препознатливост, но и ги вклучува во поширокиот меѓународен и меѓу-

културен процес. Од тој аспект, терминот „врски“ треба да го разбереме како ознака од општ карактер, со која при компаративното вреднување на двете книжевности се вреднуваат развојните прашања на генезата и на контактите во нивниот културно — општествен континуитет. Во истражувањето на меѓународните врски гледаме како на значаен удел во спознавањето на овие две национални книжевности и на нивното место во меѓународниот книжевно — културен организам.

Литература

Rakšányová J. Preklad v kultúre a kultúra v preklade // Letná škola prekladu 4. Medzikultúrny a medzipriestorovy faktor v preklade. Zborník prednášok 27. ročník, Budmerice 21–23 september 2005. Bratislava, 2006.

Gromová E. Medzikultúrny faktor v preklade a jeho reflexia v translato-logickom výskume // Letná škola prekladu 4. Medzikultúrny a medzipriestorovy faktor v preklade. Zborník prednášok 27. ročník, Budmerice 21–23 september 2005. Bratislava, 2006.

Особенности официально-делового стиля в русском и сербском языках (на материале Консульской конвенции между Российской Федерацией и Сербией и Черногорией и Соглашения между Правительством Российской Федерации и Союзным Правительством Союзной Республики Югославии о свободной торговле)

В. Джапа-Иветич

Белградский университет (Белград, Сербия)

Официально-деловой стиль, научный стиль, терминология, межправительственное соглашение, конвенция

Summary. In the Russian studies in Serbia, certain confronting research of the functional styles of the Russian and Serbian languages has been implemented. There is scarce comparative survey done of the official component (or sub-style) of the official business style, primarily due to a specific unavailability of texts from which the linguists could take material for linguistic analysis and comparisons. Precisely this fact represents a challenge to take up a confrontational analysis of terminology in bilateral official documents in Serbia and Russian languages.

Функционально-стилистические расслоения двух славянских языков, являющиеся предметом этого сопоставительного анализа, изучались и были изучены в каждом из языков отдельно, при этом в русском языке глубже, более подробно и систематично, а в сербском — частично, можно сказать, фрагментарно. В сербской русистике были проведены определенные сопоставительные исследования функциональных стилей русского и сербского языков. Официальный компонент (или подстиль) официально-делового стиля до сих пор рассматривался незначительно, прежде всего, из-за относительной недоступности текстов, которые могли бы использоваться лингвистами в качестве источника материала для языкового анализа и сравнения. Именно этот факт является вызовом и стимулом к тому, чтобы приступить к сопоставительному анализу терминологии в двусторонних официальных документах на сербском и русском языках. Все это вкупе с научным значением также имеет прикладную ценность для переводческой практики и двуязычной лексикографии вообще, и терминологической, в особенности. Поэтому в данном исследовании мы будем стремиться выявить не только лучшие варианты перевода, но и промахи в переводческой и лексикографической практике, имевшие место до настоящего времени.

Однако накопленный нами переводческий опыт и сопоставительный анализ официально-деловой терминологии сербского и русского языков, базирующейся на международных соглашениях, договорах, программах сотрудничества, меморандумах, протоколах, конвенциях, заключенных на этих двух языках, а также на материале официальной межгосударственной дипломатической переписки и документации, охватывающей большое количество областей, таких, как дипломатия, внешняя торговля, культура, образование, наука, спорт, окружающая среда, транспорт, строительство, сельское хозяйство, финансы, внутренние дела, военное сотрудничество, энергетика, стандартизация, патенты, таможенное дело и другое, приводят нас к заключению, что для термина в сербском языке очень часто нельзя найти эквивалент в русском языке. В таких случаях перевод-

чик в своей работе опирается на многочисленные энциклопедии и словари, как толковые, так и многоязычные. Следует отметить, что на практике не редко случается, что в указанных источниках нет терминов из области, являющейся предметом работы переводчика, так что необходимо воспользоваться более широкой литературой из конкретной области, а затем обратиться за консультациями к специалистам, занимающимся данной областью.

Согласование текстов является длительным и сложным процессом, состоящим из нескольких этапов и в котором непосредственное участие принимает большое число представителей стран-участниц, часто не владеющих языком другой стороны. Поэтому роль переводчика в оформлении таких документов на межгосударственном уровне исключительно сложная и ответственная, поскольку в окончательном варианте текстов на обоих (или нескольких) языках именно переводчик подтверждает и отвечает за то, что они на всех языках имеют одинаковую силу. Наряду со специалистами, конкретно занимающимися данной областью в своих странах, значительную помощь при согласовании текстов, в нашем случае в Сербии и России, оказывают юристы-международники. В отсутствие двуязычных сербско-русских, т. е. русско-сербских словарей и энциклопедий помощь этих специалистов для переводчика неопределима. Однако не следует упускать из виду, что в подавляющем большинстве случаев в ходе всей процедуры согласования упомянутых текстов именно переводчик является единственным участником, в равной степени хорошо владеющим как сербским, так и русским языком.

Предметом нашего изучения является официально-деловая терминология, содержащаяся в определенном представительном корпусе текстов. В настоящем докладе мы рассмотрим два источника, а именно:

1. Консульскую конвенцию между Российской Федерацией и Сербией и Черногорией и
2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Союзным Правительством Союзной Республики Югославии о свободной торговле.

Евразийское полиэтническое пространство: русский язык в инварианте и в вариациях**М. Джусупов**

Узбекский государственный университет мировых языков (Ташкент, Узбекистан)

Русский язык, инвариант, вариация, Евразия, тюркскоязычный мир

Summary. In the modern world, the Russian language functions in literary (standard) invariant and variations, but not in variants. Variations of the Russian language in the Turkic world of Eurasia have their own specific features. They are inseparable from invariant, but in every ethnic speech area of Eurasia are characterized by some distinctive lexical features.

Наличие региональных языко-речевых фактов в функционировании современного русского литературного языка как в республиках Центральной Азии евразийского полиэтнического пространства, так и в других инофонных регионах порождает в целом большую общелингвистическую и в частности социалингвистическую проблему, которую можно оформить в виде вопроса: В каком виде функционирует современный русский литературный язык в инофонных регионах как внутри России, так и за ее пределами: в инварианте, в вариациях или в вариантах?

Функционирование языка, выполняющего в большом объеме функции межнационального общения, не бывает однородным, так как он контактирует с разными языками в разных географических пространствах. Например, в Центральной Азии русский язык в процессе выполнения функции межнационального общения, контактирует и с казахским, и с узбекским, и с киргизским, и с туркменским, и с каракалпакским языками. Каждое языковое контактирование внедряет в русский язык свои региональные особенности (прежде всего в лексике). В количественном отношении их немного, но по своей значимости в составе русской речи они весомы.

В настоящее время, в русском языкознании идет дискуссия о возможности определения современному русскому литературному языку в инофонной среде статуса инварианта, вариации или варианта.

Мы согласны с постановкой проблемы. Но мы не согласны с позицией определенной части специалистов, считающих, что русский язык в инофонной среде, которая оказала на него местное (региональное) языковое влияние, функционирует как вариант современного русского литературного языка. Если идти подчиняясь логике такого научного понимания, то мы должны считать, что современный русский литературный язык существует и полноценно функционирует чуть ли не в двадцати, а то и в большем количестве литературных вариантов (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Туркменистан, Таджикистан, Каракалпакстан, Азербайджан, Грузия, Армения; Эстония, Латвия, Литва; Молдова; Дагестан, Северный Кавказ, Татарстан, Башкортостан, Республика Саха, Тува, Чувашия и т. д.)

С таким пониманием современного русского литературного языка трудно согласиться. В нашем понимании современный русский литературный является прочной и в то же время мягкой пружиной, которая, когда нужно, разжимается, а когда нужно, опять сжимается.

Понятия инвариант, вариация, вариант, и соответственно термины, сформировались в недрах фонологии, а конкретно, в теории Московской фонологической школы (МФШ), которые означают: инвариант — основная позиционная разновидность фонемы как класса (совокупности) звуков (звук смыслоразличитель); вариация — позиционная разновидность фонемы, которая подверглась незначительному изменению, но совпадает с инвариантом и не совпадает по артикуляции и акустике с другой фонемой (звук смыслоразли-

читель); вариант — позиционная разновидность фонемы, которая по артикуляции и акустике полностью совпадают с другой фонемой и встречается в слабой позиции.

Инвариантность, вариационность, вариантность свойственны всем языковым единицам и в целом языку и речи. Если эту трехпонятийную модель перенести на процессы функционирования современного русского литературного языка в инофонных условиях, то мы получим следующую картину.

Современный русский литературный язык, функционирующий (или использующийся) с соблюдением всех его литературных норм без современных региональных (казахских, узбекских и т. д.) вкраплений является инвариантом. В инварианте языка, конечно же, могут быть и есть ранние заимствования, т. е. вкрапления из других языков, которые уже давно стали достоянием данного языка, а его носителями они осознаются как родные. Например, такие слова русского языка, как Байкал, Арбат, Саратов, по происхождению тюркские, однако они являются показателями инвариантного состояния современного русского литературного языка и в настоящее время ни в коем случае не воспринимаются как показатели региональных особенностей.

Современный русский литературный язык, функционирующий (или использующийся) с соблюдением всех его литературных норм в совокупности с современными региональными (казахскими, узбекскими и т. д.) вкраплениями, является вариацией. В вариации языка имеют место языковые единицы из другого языка или из других языков, которые являются показателями особенностей функционирования его в инофонном речевом регионе. Эти региональные языко-речевые вкрапления генетическими носителями языка в настоящее время осознаются как неродные (заимствованные). Именно эти региональные иноязычные языковые единицы и являются показателем вариационности (т. е. конкретной вариации) языка.

Современный русский литературный язык в настоящее время в варианте (или в вариантах) не функционирует, т. е. современный русский литературный язык — это единый литературный язык: у него нет литературных вариантов, которые имеются, например, у английского, испанского и некоторых других языков. И тем более, современный русский литературный язык под влиянием региональных вкраплений не доходит до состояния совпадения с каким-то другим языком, который в том или ином географическом пространстве выполняет функции языка-донора.

В настоящее время можно говорить о тюркских и других лексических внедрениях в систему русской звучащей и письменной речи, например, в Республиках Центральной Азии евразийского полиэтнического пространства, но — не о фонологических, не о словообразовательных, не о морфологических, не о синтаксических, которые могли бы сформировать новые или интерпретированные системные особенности современного русского литературного языка, характеризующие его новый литературный вариант.

Языковое законодательство в Республике Болгарии**М. Димитрова**

Институт болгарского языка Болгарской академии наук (София, Болгария)

Национальный язык, языковое законодательство, языковая ситуация

Summary. The question about the modern Bulgarian language legislation is discussed against the background of the process from the Revival until today. The report examines the legislative decision of the language issue from the liberation of Bulgaria in 1878 under different social conditions. It is indicated the legislation arrangement of language matter after 1991, the public sentiment and attempts to pass of a specific law of language.

В современном законодательстве Республики Болгарии впервые четко прописан статус болгарского языка, но нет

особого закона об языке. Несмотря на то, что все сферы языкового общения в Болгарии урегулированы конститу-

цией и существующими законами, в обществе существуют настроения, что должен быть такой особый закон.

Основания этих настроений связаны с процессами становления новоболгарского литературного языка. Позднее Болгарское возрождение проходило в условиях рабства. Болгарские книжники XIX века (учители и люди, занимающиеся просвительской деятельностью) решали главный вопрос какой должен быть литературный язык: архаизованный, близкий к письменной традиции, или новый аналитический литературный язык, близкий к разрозненным диалектами разговорной речи, содержащей большое количество турецких и греческих слов. Грамматики эпохи Возрождения, созданные как школьные учебники, в своих обязательных введениях подчеркивают ведущую роль языка в процессе национального объединения, а часто в своем конце включают словарики, указывающие какими болгарскими, церковнославянскими и русскими словами или неологизмами надо заменить греческие и турецкие слова. Так основной идеей Болгарского возрождения является идея о роли языка в становлении нации, при том символической функции языка отводилось передовое место. Эта идея была тесно связана с представлением, что болгарский язык загрязнен и находится под угрозой. До наших дней сохранилось в обществе именно такое представление о национальном языке: язык, символ нации и всех национальных достоинств, загрязнен иноязычными словами и конструкциями, он находится под угрозой, надо его беречь и защищать. При том это представление, поскольку является эмоциональным центром болгарской национальной идеей, прочно сохранилось до наших дней, не смотря на все изменения, наступившие в характере болгарской государственности после Освобождения в 1878 году.

В периоде Княжества и Царства Болгарии и Народной Республики Болгарии (1878–1944 / 1945–1990 гг.) языковая проблема решалась на самом низком законодательном уровне — указами министра просвещения, в которых устраивалась преимущественно орфография на потребности школы и которые не являлись обязательными для всех пишущих на болгарском языке. Указы выдавались после бурных дебатов комиссий, назначенных министром, в составе которых входили ученые филологи, писатели, общественники, а некоторые части пишущего сообщества не всегда полностью их принимало. Первая комиссия проходила в 1892-ом году, а первый указ был выдан в 1899-ом году — всего за 20 лет после Освобождения, несмотря на очень непростое в историческом и государственном плане время. (В эти 20 лет прошло Соединение Княжества Болгарии с Восточной Румелии в едином государстве, прошла Сербско-болгарская война, абдикировал первый болгарский князь, воцарился второй.)

В сентябре 1944-ом году пришедшее к власти просоветское правительство Отечественного фронта в первой очереди стало решать языковую проблему, пока еще государство было монархией. Большая комиссия лингвистов и писателей создала новые, преимущественно орфографические правила, которые впервые приняли облик закона [Наредба-закон...]. Дальше во время Народной Республики Болгарии языковая проблема решалась институционально. Правительство приняло два указа (первый — с 1950-го года, второй — с 1985-го года), которые уполномочили и обязывали Институт болгарского языка Болгарской Академии наук изучать и упорядочивать нормы литературного языка, в основном произношение и орфографию.

Третье болгарское государство после Освобождения в 1878 году восстановилось как национальное государство с мультиэтническим обществом. В Болгарии традиционно проживают этнические турки, цыганы, евреи, армяны и еще

нескольких меньших этнических сообществ (по результатам переписи населения Болгарии с 2011 года болгарский этнос составляет 84.8%, турецкий — 8.8%, ромский / цыганский — 4.9%). Их языковые права и обязанности не обсуждались на законодательном и институциональном уровне вплоть до наших дней. (Созданные к началу 50-х годов XX века социалистическим государством средние школы с преподаванием на этническом языке, в основном, на турецком, и специальности в пединститутах по подготовке кадров, к концу 60-х годов XX века были этим государством закрыты.)

Политические изменения, наступившие в конце 1989-ого года, привели к принятию в 1991 году новой Конституции Республики Болгарии. В ней плотно вошла языковая проблематика. Впервые на самом высоком уровне законодательства болгарский язык объявляется официальным в государстве (статья 3-ая). При том не литературная норма, а — как прописано в Конституции — „болгарский язык“, т. е. этнический язык. В статье 36, пункт 1 записано, что изучение и использование болгарского языка является право и обязательство всех граждан РБ. Пункт 2 этой статьи дает право всем, у которых болгарский не является родным, изучать и пользоваться своим языком. Пункт 3 обязывает записать в законе те случаи, в которых можно пользоваться только официальным языком. С 1991 года в течении нескольких лет во всех законах были включены статьи, касающиеся языковую проблематику. Болгарский язык является по закону обязательным в сферах госучреждений, армии и полиции, политической деятельности партий, образования, судопроизводства, здравоохранения, СМИ, торговли, договоров и т. д. ЭГЕ в Республики Болгарии состоит из двух обязательных экзаменов, первый из которых — по болгарскому языку, второй — по дисциплине по выбору.

Несмотря на то, после принятия новой Конституции и новых законов, регламентирующие сферу обязательного использования болгарского языка, регулярно, в каждом созыве болгарского Парламента, поступают к обсуждению законопроекты об языке. Суть этих законопроектов связана с ощущениями частью общества, что болгарский язык подвержен угрозой. Корни этого ощущения можно искать в эпохе Возрождения, а в наши дни оно прямо связано с резкими изменениями коммуникативной ситуации в Болгарии. После перехода к новым политическим и экономическим отношениям, с колоквализацией языка СМИ и с наступлением эпохи глобализации людям кажется, что вся проблема непонимания и непривичности коммуникации связана с языком. До сих пор болгарский Парламент не принял ни одного из законопроектов об языке, поскольку они дублируют существующее законодательство. Сейчас ждут рассмотрения новые два законопроекта, результат пока еще неизвестен.

Литература

- Вълчев Б. Възрожденските граматика на българския език. София, 2008.
- Георгиев Б. Езикът, на който говорим за езика [http://liternet.bg/publish4/b_georgiev/ezikyt.htm].
- Гладкова Г., Ликоманова И. Языковая ситуация: истоки и перспективы (болгарско-чешские параллели). Praha, 2008.
- Закони на / за езика / Съст. П. Костадинова. 2004.
- История на новобългарския книжовен език. София, 1989.
- Наредба-закон за българския правопис // Държавен вестник. 27.02.1945.
- Нещименко Г. И. Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.
- Пачев А. Езиковите общности в условията на европеизация и глобализация. София, 2006.
- Русинов Р. История на българския правопис. София, 1981.
- Русинов Р. История на новобългарския книжовен език (второ издание). София, 1984.

Казахский и русский языки: некоторые проблемы и перспективы взаимодействия

Е. А. Доценко

Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан (Астана, Казахстан)

Казахский язык, русский язык, многоязычие, взаимодействие языков

Summary. The report deals with some aspects of interaction of Kazakh and Russian languages in Kazakhstan.

За двадцать лет независимости Республики Казахстан проведена значительная работа в области сохранения ба-

ланса языков в стране. Активное расширение и упрочение функций казахского языка как государственного, увеличе-

ние числа владеющих государственным языком среди населения, с одной стороны, позволяет также отмечать, с другой стороны, что русский язык сохраняет за собой статус языка межнационального общения, будучи употребительным как в официальной и культурной сферах, так и в бытовом общении.

В своём Послании народу Казахстана в 2007 году Президент Н. А. Назарбаев предложил «... поэтапную реализацию культурного проекта „Триединство языков“. Казахстан должен восприниматься во всем мире как высокообразованная страна, население которой пользуется тремя языками. Это: казахский язык — государственный язык, русский язык как язык межнационального общения и английский язык — язык успешной интеграции в глобальную экономику» [Новый Казахстан в новом мире 2007].

В соответствии с вышеозначенным курсом на государственном уровне осознана «необходимость сохранения и укрепления лингвистического капитала казахстанцев. В данном аспекте существует блок проблем, связанных с сохранением уровня владения русским языком как конкурентного преимущества казахстанцев, созданием условий для развития языков этносов, формирующих языковое многообразие культуры Казахстана, и изучением английского и других иностранных языков как средств делового международного общения» [Государственная программа... 2011].

Реализация гармоничной, толерантной языковой политики обеспечивает благоприятные условия для развития казахского и русского языков, взаимодействия их в различных сферах общественной, культурной жизни, в официальном и бытовом общении и в этой связи — взаимного обогащения

их лексического и понятийного состава. Вместе с тем, если оставить за рамками нашего доклада вопрос о знании английского языка гражданами Казахстана (а оно по сравнению с 1990-ми годами возросло значительно), то приходится констатировать, что казахско-русское двуязычие в республике до сих пор имеет неравномерный, асимметричный характер, что во многом связано с объективными трудностями, в том числе в сфере языковой подготовки. Подчеркнём при этом, что снижение качества преподавания, введение новых форм итогового контроля знаний, не предполагающих активного, творческого владения языком, отток квалифицированных кадров из образовательной сферы в более высокодоходные и другие проблемы того же плана касаются в различной мере всех постсоветских государств, не исключая и Россию.

В докладе рассматриваются некоторые проблемы взаимодействия казахского и русского языков, связанные с межязыковой интерференцией, феноменом «смешанного языка», необходимостью создания полноценной языковой личности в рамках изучаемых языков, а также перспективы сопоставительных исследований как средства достижения целей, поставленных в рамках языковой политики Казахстана.

Литература

- Государственная программа развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011–2020 годы / Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 29 июня 2011 года № 110 // Сайт Министерства культуры Республики Казахстан. Астана, 2011: [<http://www.mk.gov.kz/showpaper.php?lang=rus&id=6067>].
Новый Казахстан в новом мире: Послание Президента РК Н. Назарбаева народу Казахстана // Казахстанская правда. 2007. 1 марта.

Межславянский диалог в аспекте деловой коммуникации

Е. В. Евпак

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Межславянский, деловая коммуникация, культура, язык

Summary. The report discusses the topical issues of interslavonic dialogue in the aspect of business communication.

Сегодня, в условиях новой экономической политики, требующей от всех членов человеческого сообщества адекватной адаптации, межкультурная коммуникация приобретает новые формы.

Можно утверждать, что в современном обществе диалог культур развивается исключительно на деловой основе.

Деловая коммуникация стала своеобразным «общим местом» в архитектуре отношений XXI в.

По словам О. П. Сологуб, «официально-деловая речь в современных условиях стала занимать всё более значимое положение в коммуникативной практике общества и отдельного человека, что обусловлено активизацией предпринимательской деятельности, расширением и углублением деловых контактов как внутри страны, так и на международном уровне, формированием новых форм деловой коммуникации, актуализацией вопросов эффективного речевого поведения для успешного решения проблем управления обществом, производственными коллективами» [Сологуб 2009: 5].

«Собственно лингвистический интерес к проблемам деловой коммуникации обусловлен особенностями сложившейся современной научной парадигмы, её обращением к процессам функционирования языка в различных условиях, постижением языка как антропологического феномена и т. д.» [Сологуб 2009: 6].

Эти обстоятельства выдвинули на первый план необходимость изучения деловой коммуникации как объекта лингвистической науки, а также обучение языковым формам делового общения, необходимость повышения лингвистической компетентности лиц, вступающих в социально-правовые и другие виды деловых отношений.

В центре общественного внимания оказались лингвисты и их образовательные программы, направленные на изучение иностранных языков для использования в разных сферах жизни общества в качестве средства реального общения с людьми из других стран, прежде всего, связанные с практи-

ческой стороной дела, коммерческой выгодой. В этом отношении заслуживает внимания мнение отечественного учёного С. Г. Тер-Минасовой. В своей известной работе она пишет: «нетерпеливые легионы специалистов в разных сферах науки, культуры, бизнеса, техники и во всех других областях человеческой деятельности потребовали немедленного обучения иностранному языку как орудию производства. Их не интересует ни теория, ни история языка — иностранные языки, в первую очередь английский, требуются им исключительно функционально» [Тер-Минасова 2008: 31].

В контексте сказанного особую значимость приобретают межславянские деловые контакты. Межславянские деловые отношения имеют свою отдельную историю. Остановимся на некоторых эпизодах русско-чешско-словацкой деловой взаимности.

Как отмечают словацкие исследователи, «существует много примеров предпринимательства в России и с Россией. Россия всегда привлекала предпринимателей своей близостью (географической и языковой), а также родственной политической культурой. Поэтому многие из предприимчивых людей предпочитали вкладывать свои капиталы в Россию» [Голец 2010: 29] С XIX в. по всей России проходили торговые пути словацких шафранников, олейкаров (странствующие торговцы шафраном и маслом) и дротарей (ремесленники и торговцы, которые чинили при помощи металлического прута глиняную и фаянсовую посуду) [Голец 2010: 32–33].

История деловых межславянских связей представлена на региональном сибирском материале. В начале 20-х годов прошлого века в Кемерово приехали более 650 иностранных рабочих и специалистов со всех концов света, чтобы помочь Советам восстановить разрушенное в годы войны народное хозяйство. Так на берегах Томи возникла Автономная индустриальная колония «Кузбасс». Хотя колония просущество-

вала всего 5 лет (1921–1926), за это время «американские сибиряки» внесли существенный вклад в создание индустриальной базы не только Кемерово, но и всего региона. Поставил вклад в промышленное освоение Кузбасса внесли чехословаки, прибывшие в АИК из Америки и южных промышленных центров России [Евпак 2011: 34].

В самое последнее время можно говорить о целесообразности и возможности взаимовыгодного развития экономических, политических, научно-культурных и других связей между нашими странами; в том числе на региональном уровне. Многие промышленные предприятия Кузбасса успешно сотрудничают с чешскими и словацкими фирмами, например, в угледобывающей отрасли; развиваются и другие отрасли деловой сферы — торговля, образование, туризм, спорт. Имеется социальный заказ на обучение чешскому и словацкому языкам. Обществом востребованы научные и лингводидактические разработки по деловой коммуникации на материале славянских языков.

Как справедливо отметил В. А. Доманский, «один из очевидных путей развития регионализма — культурный диалог

славянских народов (в аспекте деловой коммуникации — отмечено автором статьи), который неизбежно приведёт к их тесному сближению» [Доманский 2007: 5].

Литература

- Голец Р. Словацкие предприниматели в России накануне первой мировой войны / Мифы — стереотипы — образы. Восприятие России в Словакии. SDK Pro Historia, САН. Братислава; Йошкар-Ола, 2010. С. 29–37.
- Доманский В. А. Дискурсивные практики в процессе изучения славянских литератур // Методика преподавания славянских языков как иностранных с использованием технологии диалога культур. Вып. 3. Томск, 2007. С. 5–12.
- Евпак Е. В. Город Кемерово в контексте Чехословацкой (чешской и словацкой) взаимности // Балибаловские чтения. Вып. 6. Кемерово, 2011. С. 30–35.
- Сологуб О. П. Современный русский деловой текст: функционально-генетический аспект: дисс. ... доктора филол. наук. 10.02.01. Кемерово, 2009.
- Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. 3-е изд. М., 2008.

Языковые права славянских меньшинств в законодательстве Хорватии

Д. А. Катунин

Томский государственный университет (Томск, Россия)

Языковая политика, национальные меньшинства, официальный язык, славянские языки, Хорватия

Summary. The provisions of state and municipal laws of Croatia are analysed that regulate the use of the Slavic minorities languages on its territory. The comparative analysis of noncontemporaneous editions of the documents allows tracing the dynamics of language legislation and tendencies of its development both integrally and concerning the language rights provision of the Slavic minorities.

По данным переписи 2001 г. в Хорватии проживают 4437460 человек. Бульшую часть населения страны составляют хорваты (3977171 человек, или 89,63% всего населения государства), а наиболее крупными славянскими меньшинствами являются сербы (201631 / 4,54%), бошняки (20755 / 0,47%), словенцы (13173 / 0,30%), чехи (10510 / 0,24%), черногорцы (4926 / 0,11%), словаки (4712 / 0,11%), македонцы (4270 / 0,10%), русины (2337 / 0,05%) и украинцы (1977 / 0,04%).

Конституция Хорватии в её последней редакции декларирует создание Хорватии как национального государства хорватского народа и ряда меньшинств, в том числе сербов, чехов, словаков, украинцев и русинов. Там же утверждается статус хорватского языка и латинского алфавита как «находящихся в официальном употреблении», а представителям других народов и меньшинств гарантируется право официального использования своих языков и алфавитов в единицах местного самоуправления.

Согласно положениям Конституции, права национальных меньшинств конкретизируются в специальных законах Хорватии. Так, закон «Об употреблении языка и алфавита национальных меньшинств в Республике Хорватия» 2000 г. уточняет условия получения официального статуса миноритарными языками: преобладание представителей национальных меньшинств среди населения муниципалитета; наличие соответствующих обязательств в международных договорах; фиксация статута миноритарных языков в основных законах (статутах) общины, города или области. В Конституционном законе «О правах национальных меньшинств» 2002 г. подтверждаются вышеперечисленные условия и уточняется, что численность национального меньшинства в таком случае должна составлять не менее одной трети от всего населения муниципалитета. В 1997 г. Хорватия ратифицировала Хартию о миноритарных и региональных языках Совета Европы и приняла на себя обязательства по защите, развитию, сохранению и т. д. семи языков, в том числе пяти славянских: сербского, чешского, словацкого, русинского и украинского. Кроме того, к настоящему времени Хорватией подписан ряд билатеральных международных договоров о взаимной защите прав национальных меньшинств, в том числе права на использование языков и алфавитов в местах проживания меньшинств. Три таких договора были заключены со странами с преимущественно сла-

вянским населением: Сербией и Черногорией (2005 г.), Македонией (2008 г.) и Черногорией (2009 г.).

Все вышеперечисленные законы и договоры предполагают конкретизацию прав национальных меньшинств в законодательных актах единиц местного самоуправления, в соответствии с которыми в ряде муниципалитетов Хорватии (или на части их территории) наряду с хорватским языком законодательно разрешено использование пяти миноритарных языков, в том числе — трёх славянских: сербского, чешского и русинского.

Согласно данным переписи населения 2001 г., представители сербского меньшинства составляют не менее одной трети населения в 21 муниципалитете Хорватии: общинах **Негославци** (97,20% сербского населения), Эрвеник (94,94%), **Маркушица** (90,76%), **Трпиня** (89,30%), **Борово** (86,57%), **Шодоловци** (84,55%), **Бискупия** (77,29%), **Дони Лапац** (73,56%), **Цивляне** (68,61%), **Ягодняк** (64,72%), **Крняк** (61,55%), **Двор** (60,87%), **Кистане** (57,14%), Врховине (55,03%), **Эрдут** (53,91%), **Гвозд** (53,03%), **Войнич** (49,99%), Плашки (45,99%), Удбина (43,36%), Грачац (38,82%) и городе Врбовско (36,23%). В настоящее время сербский язык имеет статус официального языка в 15 из указанных общин (выделены полужирным шрифтом) и городе **Вуковар** (32,88%). Также в статутах этих муниципалитетов могут содержаться положения о двуязычии в оформлении топонимических надписей и указателей, процессе школьного и / или дошкольного образования, работе местных органов власти и т. д. Отметим, что в законах ряда хорватских муниципалитетов может быть заявлено право использования языков национальных меньшинств без их поименного указания. Так, например, в статутах уже упомянутых общин Врховине и Грачац не конкретизируется национальное меньшинство, язык которого, согласно текстам законов, разрешается использовать на территории муниципалитетов.

Чехи в Хорватии проживают преимущественно в общине **Кончаница** (46,67%) и городе **Дарувар** (18,91%) Бьеловарско-Билогорской жупании, статутами которых закреплено право на официальное использование чешского языка в ряде населённых пунктов муниципалитетов, где топонимические указатели, вывески, названия муниципальных учреждений и т. д. оформляются на хорватском и чешском языках (в Кончанице на них же должна составляться официаль-

ная документація). Русинське меншинство в Хорватії локалізовано в основному в Вуковарско-Сриємській жупанії, де статутом общини **Богдановці** (23,25%) утверджується право на використання русинського мовного коду в населеному пункті Петровці.

В цілому представляється можливим зробити висновок про те, що, незважаючи на відносно невелику частку меншинств (331 383 осіб, або 7,47% населення держави), законодавство Хорватії і на республіканському, і на регіональному рівнях в суттєвій мірі враховує

язикові права національних меншинств. В той же час слід відзначити відсутність юридично зафіксованої можливості офіційного використання сербського мовного коду в шести муніципалітетах, де серби становлять більше третини населення, а також словацького мовного коду в общині Пунітовці (35,57% словаків). Дані факти дозволяють говорити про певну нерівномірність забезпечення мовних прав слав'янських меншинств і неповноту реалізації положень, зазначених в законах Хорватії і підписаних нею міжнародних угодах.

Суржик як мовна гра

Н. Кобченко

ГІУК г. Москви «Бібліотека української літератури» (Москва, Росія)

Linguistic situation, language game, surzhyk

Summary. The paper deals with the consideration of using surzhyk as voluntary language code. The attempt to determinate conditions of surzhyk's function as a language game is done.

З відомих екстралінгвальних причин невідомим чинником сучасної мовної ситуації України залишається такий феномен як суржик. Незважаючи на тривалий час існування цього мовного явища й термінологізацію самої лексеми «суржик», досі не сформульовано його визначення. У доповіді поняття суржик розуміємо як некодифіковану просторозмовну мову, що є наслідком тривалої контактної українсько-російської двомовності в її дігლოსійній формі [Ставицька 2007: 77].

Зрозуміло, що проникнувши в усі сфери суспільного життя й зайнявши в кожній міцні позиції, суржик не міг не відбитися й у художній літературі: використання цього мовного гібриду характерне для письменників різних періодів і різних мистецьких напрямів. Є підстави констатувати, що в царині белетристики суржик перетворився на художній засіб, який слугує досягненню конкретних цілей: 1) створення комічного (І. Котлярєвський, М. Старицький, М. Кропивницький, В. Винниченко, Цибулько тощо); 2) змалювання психологічного портрету або стану персонажа (Ю. Яновський, Г. Тютюнник, В. Шевчук, О. Ірванець тощо); 3) відтворення реалій або психологічної атмосфери (Б. Жолдак, Л. Подерев'янський, Ю. Андрухович, О. Забужко тощо). І хоча літературознавці відзначають, що суржик у певному розумінні — «відкриття чи нововиявлення постмодернізму» [Гундорова 2005: 27], мета його введення до твору представниками цього напрямку не відрізняється від мети їхніх попередників.

Відносно новою тенденцією є поява текстів, де суржик не працює на досягнення виражальних чи зображальних цілей, а характеризується всіма ознаками мовної гри. Яскравим прикладом цієї тенденції є лінгвістичний експеримент Михайла Бриниха, реалізований у романах «Шахмати для дибілів» та «Шахмати для дибілів: Цейнот доктора Падлючча». Автор не порушує гострих проблем, не втілює важливих ідей, сюжет надзвичайно спрощений, найголовнішим у творах постає мовне оформлення.

Появу текстів такого ґатунку слід вважати відзеркаленням тих процесів, які сьогодні відбуваються в суспільстві. Нагадаємо, що одним із трьох типів аналізованого мовного явища, виокремлених за сукупністю таких ознак, як культурно-освітній рівень мовця, його мовленнєва поведінка та ступінь лояльності до контактних мов, постає суржик як свідомий мовний код. Сферою реалізації цього типу суржику є мовлення осіб, яким не лише бракує номінативних і стилістичних засобів української літературної мови через недостатній рівень володіння нею та відсутність навичок мовного автоматизму, а й незручно користуватися українською як неprestижною у своєму мовному середовищі [Тараненко 2004: 666].

Однак на сучасному етапі спостерігається розширення функціональних меж суржику як свідомого мовного коду й витворення його підтипу — суржик-мовна гра. Цей різновид поширений поміж людьми з високим культурно-освіт-

нім рівнем, які достатнім чином володіють нормами української й російської літературних мов, і полягає в усвідомленому використанні суржику в невимушених обставинах, з метою створення веселої, іронічної атмосфери, привнесіння в спілкування ігрового елемента, так званого приколу. Прагматичні інтенції особи, що обирає такий тип мовної поведінки, полягають у піднесенні власного авторитету, формуванні образу дотепної цікавої особистості, демонстрації мовної компетенції та естетичного задоволення від свого вміння позбитуватися, створити «прикольну ситуацію» й від самої цієї ситуації.

Мовна гра в названих творах не вичерпується лише сконструйованим українсько-російським гібридом і простежується на кількох рівнях:

1. На орфографічному — вона полягає в дотриманні лише фонетичного принципу в оформленні тексту: *єзь, тусуєция, ніззя, низнайомець, цяз, характерно, класік, не дождавшись одвета, Шо це за новозті?* Пунктуаційні норми витримані.

2. На лексичному рівні мовна гра реалізується в сполученні логічно несполучених лексем (*заподіяти ответну любезность*), об'єднанні в один синонімічний ряд компонентів різних тематичних груп (*Охраннык був людиною скромною і незлобною, а тому прощав людям і тупість, і невігластво, і острі приступи діарей на робочому місці*) або різних стилів мовлення (*Не бачу повода тянуть різину й жонглюють словами*), обігранні полісемантичності однієї з лексем (*Як нада буде — я сам приподам йому урок нештучних матов...*), нагромадженні штампів наукового стилю (*Практична цінність такого цинічного отступлення каньом на ісходну позицію, понятне діло, сузубо отріцатільна*), трансформації (*...ібо там любя ексцентрика вилазить очком*) або контамінації двох сталих виразів (*...до закриття магазину залишились щитані понти*).

3. На рівні синтаксису відзначимо трансформацію структурної схеми усталених речень (*...вона атлічно виспалась і чувствувала себе бодрим агурцом...*) та алогічність причинно-наслідкових відношень (*Дімер у це вірив, а значить — так і єсть*).

4. З-поміж прийомів стилістичного рівня майже повсюдно використано поєднання високого й низького стилів, наукової, термінологічної, ділової лексики з нейтральною й сленговою: *А діло в тому, що дана модель — то повернута шнелюка нашого міра, в якому каралі плюють на народ, жирують і льогко провтикують державність, суверенітет та інші націєтворчі чинники*.

Також у цих текстах значна роль алюзій: автор органічно вплітає в текст фольклорні (*Як і єпископ-слон, тура стає сильніша, коли її поставити ой у степену широкому...*) й літературні образи (*...ібо це і є принцеса без бобов і горошин під пухнастими пиринами...*), згадки видатних історичних постатей (*У Дарвіна по цьому поводу нічого не сказано, ніцшеанське белькотіння, полотна Айвазовського*), демонструє обізнаність у політичних (*Ще й дачку збудував в ра-*

йоні острова Тузла) й культурних (...возможили себе італійцями і на прошлий Новий год повибраскали прямо із окон багато класних віцей) подіях сучасності.

Усе це створює образ оповідача як високоосвіченої ерудованої й дотепної людини, яка вільно володіє українською й російською мовами, а відтак, щоб мовна гра вдалася, адресат має бути такого ж інтелектуального й культурного рівня.

Очевидно, подібну мовну поведінку можна вважати певною реакцією на дискурс суржиків 90-х — поч. 2000-х рр. (позначений не так науковістю, як публіцистичністю, насичений надмірним дидактизмом, нищівною критикою,

навіть певним приниженням осіб, що послуговуються суржиком) і спробою довести, що це гібридне мовлення може бути не лише ознакою неосвіченості, а й виявом високого рівня мовної компетенції.

Література

Гундорова Т. Післячорнобильська бібліотека: Український літературний постмодерн. К., 2005.

Ставицька Л., Труб В. Суржик: суміш, мова, комунікація // Українсько-російська двомовність. Лінгвосоціокультурні аспекти: Зб. наук. пр. К., 2007. С. 31–120.

Тараненко О. О. Суржик // Українська мова. Енциклопедія. К., 2004. С. 665–668.

Русский официально-деловой стиль в условиях глобализации

В. Ю. Копров

Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Официально-деловой стиль, глобализация по-американски, русский синтаксис на фоне английского

Summary. The paper deals with grammatical features of Russian official style in contrast to American English.

1. Интернациональные черты официально-делового языка как особого функционального стиля речи являются следствием универсальности задач, которые он призван решать, а именно — служить инструментом межгосударственного общения, средством документирования управленческой, служебной и деловой информации. Поэтому основные требования к структурному построению, информативному наполнению и языковому оформлению официально-деловых высказываний и текстов остаются общими для разных языков. Способ изложения информации в деловых высказываниях, документах, письмах является формально-логическим. Это означает, что предмет речи следует рассматривать с позиции не межличностных, а экономико-правовых, политических и социальных отношений. Документируемая информация должна излагаться ясно, четко и недвусмысленно, что предъявляет к языковым средствам и стилю изложения определенные требования: смысловая достаточность и лаконичность текста; однозначность используемых слов и терминов; соблюдение лексических, грамматических и стилистических норм.

Вместе с тем для официально-деловой коммуникации на разных языках характерны и определенные особенности, которые являются следствием различий как в типологии языков, так и в национально-культурных характеристиках их носителей. Так, основными параметрами **русской** официально-деловой речи являются: строгая функциональность и рациональность; использование стилистически маркированных синонимичных форм и конструкций; соблюдение Принципа скромности; «надличностный» характер дискурса. **Англоязычное** официально-деловое общение отличаются следующие черты: персонифицированность речи; стремление избегать использования пассивных конструкций; недифференцированное употребление форм, относящихся к разным стилям речи, в том числе — нелитературным; эмоционально-экспрессивная окрашенность.

2. Рассмотрим основные **синтаксические** особенности русского официально-делового общения на фоне американского варианта английского. Семантико-функциональные сопоставительные исследования русского и английского языков показали, что номенклатура синтаксических конструкций и сферы их употребления в сопоставляемых языках связаны с их общим структурным типом: синтетическим (флективным) или аналитическим (изолирующим). Ср. наличие 77 семантико-структурных типов простого предложения в русском языке и 33 типов — в английском. В синтаксисе русского официально-делового языка наблюдается использование всего многообразия конструкций, в том числе пассивных, безличных и определено-личных предложений. В английском языке из перечисленных широко функционируют только пассивные конструкции, а прямых эквивалентов других русских конструкций в нем нет.

2.1. Хотя еще со второй половины двадцатого века американские теоретики и практики пытаются «изгнать» пас-

сивные конструкции из употребления, в современном английском языке, в том числе в его официально-деловой сфере, пассив более распространен, чем в русском в силу целого ряда структурно-типологических факторов. При этом в русском официально-деловом стиле использование пассивных конструкций **вместо активных** в ряде случаев считается даже более предпочтительным в силу национально-культурных особенностей носителей русского языка. Сохранение данной стилистической нормы поддерживается соблюдением **Принципа скромности**, проявления которого наблюдаются на всех уровнях русского языка.

2.2. При наличии выбора между вариантами личными и безличными формами говорящий, как правило, отдает предпочтение **безличным** конструкциям. В русском коммуникативном поведении высказывания звучат **менее категорично**, если говорящий вместо вариантной личной конструкции использует безличную. Ср.: **Мне должны позвонить** / **Я жду звонка** — *I am expecting a call*. Безличные конструкции предпочитаются во многих ситуациях общения и из-за того, что их личные варианты воспринимаются коммуникантами как слишком прямолинейные, эгоцентричные и поэтому неэтичные. Ср.: **Можно (попросить / пригласить) Ивана Ивановича к телефону?** / **Я хочу поговорить с Иваном Ивановичем** — *May I speak to Mr. Smith (please)? / I would like to speak to Mr. Smith*. С Принципом скромности связано более частое употребление в русском языке **безличного** выражения **Мне кажется, что...** по сравнению с личным **Я думаю, что...**. Путем использования безличной конструкции русские избегают представления своего мнения в качестве «истины в последней инстанции», предпочитая оставлять собеседнику свободу выбора иной точки зрения. В английском языке в большинстве случаев здесь фигурируют **личные** предложения **I think that...**, хотя имеется и аналог русского безличного предложения *It seems to me that...*.

2.3. Еще одно проявление Принципа скромности в русском официально-деловом языке наблюдается в сфере категории персональности: вместо местоимения 1 лица единственного числа *я*, *мой* регулярно употребляется 1 лицо множественного числа *мы*, *наш*: **На нашей кафедре** / **На моей кафедре**; **Мы считаем** / **Я считаю**. В английском языке подобная норма также имеется, но соблюдается все реже, особенно в американском варианте английского языка. В данном случае системы обоих языков предоставляют в распоряжение говорящего аналогичные средства, и, следовательно, наблюдаемые при их функционировании расхождения объясняются не грамматическими, а именно национально-культурными особенностями русских и американцев.

2.4. В русском языке возможность выбора **личной** или **определено-личной** конструкции обусловлена его флективным (синтетическим) строем и формами выражения категории персональности. В русской деловой переписке личное местоимение *я*, *ты*, *мы*, *вы* в предложениях регулярно

опускается, например, вместо *Я прошу...* используется определенно-личное предложение *Прошу...*. Кроме того, при формулировке просьб, запросов, предложений и т. п. также предпочитается определенно-личная конструкция со значением первого лица **множественного числа** вместо единственного числа: *Предлагаем Вашему вниманию...* (вместо *Предлагаю...*); *В заключение укажем ещё раз, что...* (вместо *укажу*) и т. п. В английском языке в силу аналитизма его грамматической системы и ограниченности морфологического выражения категории персональности возможность подобного выбора отсутствует, и мы везде видим пресловутое **I** — «символ национального эгоизма».

3. В последние десятилетия в условиях глобализации под влиянием американского варианта английского языка в практике русского официально-делового общения наметилась тенденция к калькированию американского стиля общения и к размытию стилистических норм использования языковых средств. При общении с иностранными партнерами (как на русском, так и на английском языке) из прагматических соображений допустимо временно отказываться от соблюдения норм русского официально-делового общения, поскольку результативность межкультурного диалога в значительной степени зависит от учета национальных особенностей коммуникативных стратегий носителей языка страны-адресата.

Церковнославянский язык и языковая ситуация в России в XIX–XX вв.

А. Г. Кравецкий

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Церковнославянский язык, история русского литературного языка, церковнославянская письменность, гимнография

Summary. The Church Slavonic Language and the Linguistic Situation in Russia in the XIX–XX centuries. The report is devoted to the place of the Church Slavonic Language in the Russian culture of the XIX–XX centuries. A special attention is paid to the ethnographic data dealing with teaching Church Slavonic in traditional culture, to the peculiarities of functioning Church Slavonic texts in the XIX century, after 1917, and in post-Soviet period. The views on orthographic norm characterizing periods in question are also the subject of analysis.

1. Хорошо известно, что в средневековой Руси церковнославянский язык выполнял функции как литургического, так и литературного языка. С наступлением Нового времени сфера использования церковнославянского (далее цсл.) начинает сужаться. Считается, что в течение XVIII века русский литературный язык вытеснил цсл. из всех сфер употребления, кроме литургической. Судьба цсл. языка в XIX–XX вв. оставалась вне интересов филологической науки и начала активно изучаться лишь в последние два десятилетия.

2. Вплоть до первой четверти XX века среди крестьянского населения сохранялась традиционная модель обучения грамоте. Об этом свидетельствует как значительный мемуарный материал, так и многочисленные этнографические записи. При таком обучении учащийся заучивал названия букв, затем учился составлению из них слогов (*буки + аз — ба, буки + люди + аз — бла*). В процессе такого обучения дети заучивали наизусть значительный объем текстов (молитвы Часослова, Псалтирь и т. д.). Те, кто учился по Часослову и Псалтири, часто не владели русским литературным языком. Язык литературы XVIII в. был им более понятен, чем язык русской классической литературы. Именно этому типу читателей была адресована лубочная литература. Язык лубка существенно отличался от русского литературного и был в значительной степени ориентирован на цсл. язык. Традиционная церковнославянская грамотность была уничтожена лишь в первой половине XX века в ходе известной кампании по ликвидации неграмотности, которая была ориентирована исключительно на русский литературный язык. Хотя и в 50-е годы XX века этнографы, изучающие быт православных сообществ, жестко дистанцировавшихся от советской действительности (катакомбники, истинно-православные и др.), фиксировали такой тип грамотности, при котором люди могли читать только церковнославянские текст.

3. В XIX веке окончательно формируется общероссийская норма церковнославянского языка. Причем нормализация осуществлялась не при помощи грамматических описаний (нормативных грамматик не было), а посредством нормализации текстов, выпускаемых синодальными типографиями. Дело в том, что право выпускать богослужебные книги имели только три синодальные типографии. А в середине XIX века церковные власти и типографские справщики предприняли максимум усилий для того, чтобы языковые и орфографические нормы этих типографий максимально сблизились. Это привело к тому, что накануне революции церковнославянский и русский литературный язык были отчетливо противопоставлены. Такое противопоставление было осознано обществом, свидетельством чему является общественная дискуссия о языке богослужения (1905–1917).

4. После революции церковнославянский язык вытесняется на периферию культуры. На смену традиционному обучению грамоте приходит советская школа. Традиция церковнославянских изданий в России на несколько десятилетий прерывается. Основным способом тиражирования богослужебных текстов (молитвословий, служб и акафистов) становятся рукописные и машинописные копии. В результате широкое распространение приобретают церковнославянские тексты, набранные или переписанные на гражданской кириллице, но с проставленными ударениями. До революции такой орфографический вариант использовался редко, теперь же он стал единственно возможным. После войны, когда издание богослужебной литературы было возобновлено, у Московской Патриархии не было технической возможности набирать тексты церковной кириллицей (типографские шрифты были уничтожены еще в 20-е годы). В результате наряду с издававшимися репринтно книгами церковной печати появились типографские издания (молитвословы, отдельные службы, а затем и комплект месячных миней), набранные гражданской кириллицей. Если до революции таких изданий было сравнительно немного, то теперь молитвословы, адресованные мирянам, набираются почти исключительно гражданской графикой. В обыденной речи такие молитвословы называют «молитвословами на русском языке», хотя это, конечно же, церковнославянский язык.

5. Расширение использования русской графики — наиболее заметная, но далеко не единственная инновация послевоенной эпохи. Это время, когда в силу различных причин практически не было дискуссий о церковнославянском языке. При этом среди молитв, распространявшихся в машинописных копиях, встречались русские тексты. Наиболее известными из них является «Молитва последних Оптинских старцев» и акафист «Слава Богу за все». Эти молитвословия вполне органично смотрелись в церковнославянском окружении. В 50-е годы святитель Афанасий (Сахаров) предпринимает свое русификаторское исправление служебных миней. Все это свидетельствует того, что пуристические языковые установки для 50–70-х годов не были актуальны. А в 80-е годы размытие нормы коснулось и основного круга богослужебных книг. В новое издание Служебных миней (1978–1988) вошло значительное количество как новых русифицированных текстов, так и архаичных, извлеченных из средневековых рукописей.

6. Постсоветская эпоха характеризуется актуализацией языкового пуризма. Причем этот пуризм, как правило, носит декларативный характер. Связано это с тем, что люди стали видеть в церковнославянском языке несомненную ценность, однако говорить о массовом изучении этого языка не приходится. Характерно, что с появлением технической

возможности выпускать наборные издания церковной печати, среди изданий для мирян продолжали преобладать тексты гражданской печати. Книги церковной печати оказались куда менее востребованными. Для огромного количества людей церковнославянский язык остается скорее символом, чем реальностью. Характерно, что тексты, фактически набранные русской графикой, стали набирать стилизованной кириллицей, но без диакритики и букв, отсутствующих в современной гражданской азбуке. При этом процесс

удаления церковнославянского языка от русского на рубеже XX и XXI века заметно ускорился. Многие новые службы написаны очень архаичным языком, поскольку их редактируют (или составляют) филологи, хорошо усвоившие старославянский язык. В то же время в церковно-филологической среде господствуют настроения о жесткости и обязательности грамматической нормы, о недопустимости ее расшатывания (вариативность нормы, обеспечивающая тесный контакт с русским языком, уходит в прошлое).

О динамике языковой ситуации в Донбассе

О. В. Красовская

Донбасский государственный технический университет (Алчевск, Украина)

Языковая ситуация, языковая политика, доминирующий язык, русско-украинское двуязычие

Summary. The dynamics of language situation of Donbas region analyzed. The widespread Russian-Ukrainian bilingualism in characterized.

Современные лингвистические работы содержат очень поверхностные наблюдения за языковой ситуацией на востоке и юго-востоке Украины, в частности отмечая, что русский язык здесь «в младшем поколении все более превращается в бытовой язык, на котором говорят, но не читают и не пишут» [Алпатов 2007: 12].

Действительно, с момента провозглашения независимости на Украине, и в том числе в Донбассе, стали сокращаться функции русского языка, изменился язык названий населенных пунктов и др. топонимов, печатной продукции (имеются в виду бланки, канцелярские документы), маркировки товаров.

В речевом поведении некоторых жителей Донбасса (это, как правило, политики, журналисты, преподаватели украинского языка) с этих же пор наблюдаются языковые сдвиги, т. е. прекращение использования русского языка и переход на украинский язык [Вайнрайх 1972: 58], а также повышение языковой лояльности по отношению к украинскому языку даже не у говорящих на нем людей. **Однако украинский язык не стал доминирующим в Донбассе.**

Чтобы сделать вывод о динамике языковой ситуации в этом регионе Украины, проанализируем выбор русского / украинского языка здесь во всех основных социально-коммуникативных сферах:

1. В работе органов и организаций выбор русского / украинского языка регулируется такими параметрами, как:

— официальное / частное: переписка между чиновниками, которые обязаны владеть государственным языком (по крайней мере, это один из критериев их соответствия должности госслужащего), и организациями ведется на украинском языке, тогда как ответы частным лицам могут оформляться на русском языке. При малейшем ослаблении контроля за «языковой дисциплиной» предпочтения отдаются русскому языку, о чем свидетельствуют факты ведения на русском языке «внутренней» документации, заполнения на русском языке разного рода бланков, отпечатанных типографским способом на украинском языке;

— письменное / устное: при общении на приеме у прокурора, нотариуса, работника банка и т. д. люди пользуются привычным для них языковым кодом, т. е. говорят на русском языке, однако акты прокурорского реагирования, нотариальные, банковские документы, как правило, составляются на украинском языке. (Здесь приходит в голову аналогия с использованием латыни в медицине.)

2. В сфере судопроизводства русский язык полностью сохраняется в уголовном процессе, потому что это позволяет Уголовно-процессуальный кодекс, действующий на Украине с 1961 г.

В рамках гражданского судопроизводства, для которого с недавних пор (2005 г.) принята норма о его осуществлении только на государственном языке, русский язык ис-

пользуется в рабочих кабинетах судей, при предварительном рассмотрении дел, при составлении не самых «ответственных» судебных документов (повестки, судебные извещения, запросы). При отсутствии контроля за соблюдением процессуального регламента «языковая дисциплина» может нарушаться и в ходе слушания гражданского дела по сути.

3. В образовательной сфере, безусловно, заметно сократилось количество русскоязычных дошкольных учреждений, школ и классов.

При этом дошкольные учреждения работают по программам для украиноязычных регионов лишь формально, украинский язык используется в учебно-воспитательной работе фрагментарно.

В украинских классах и школах украинский язык является лишь языком урока и школьной документации.

Украинский язык не стал языком обучения в вузах Донбасса, он по-прежнему остается лишь языком изучения, несмотря на попытки введения преподавателям доплат за чтение курсов на украинском языке. Формально украинского языка в вузах стало больше. Однако и здесь он присутствует только внешне: составленные на украинском языке экзаменационные вопросы и билеты не гарантируют протекания самого экзамена на украинском языке; выполненные на украинском языке дипломные работы успешно защищаются по-русски.

4. В сфере рекламы преобладает украинский, хотя и здесь он не господствует, потому что «местная», региональная / городская, реклама оформляется на русском языке. Иногда и рекламная продукция всеукраинских компаний может для русскоязычных регионов исполняться на русском языке или двух языках, когда русский текст дублируется украинским.

5. Региональные СМИ работают на русском языке, украинский язык используется ими очень ограниченно.

Подведем итоги. Украинский язык за годы независимости Украины не стал в Донбассе естественным средством коммуникации. Он является рабочим языком государственных учреждений, в первую очередь государственной документации.

Основными параметрами, определяющими выбор русского / украинского языка, здесь являются такие параметры, как официальная / неофициальная, контролируемая / неконтролируемая, письменная / устная, монологическая / диалогическая, информативная / фатическая коммуникация. Украинский язык в интересующем нас регионе — это язык официального, контролируемого, письменного, монологического и информативного употребления.

Расширение состава пользователей украинского языка в Донбассе не привело к их превращению из пассивных в активных билингвов. Русский язык — вопреки прогнозам лингвистов — не приобрел здесь статуса домашнего, семейного языка, а русско-украинское двуязычие — признаков остаточного билингвизма.

Для детей, которые учатся в украинских классах и школах Донбасса, основным языком продолжает оставаться русский язык. Он не вытесняется в их речевом поведении украинским языком, потому что для этого нет соответствующей практики. Присущий таким детям билингвизм представляет собой функциональное двуязычие, при котором украинский язык не используется за пределами школьного урочка.

Место русских народных говоров в языковой политике современной России

О. Ю. Крючкова, В. Е. Гольдин

Саратовский государственный университет (Саратов, Россия)

Диалект, языковая политика

Summary. This scientific paper deals with the necessity of the new language policy concerning Russian native sub-dialects. The paper offers concrete measures of this policy, aimed at attracting public attention to the territorial varieties of the Russian colloquial speech, at enhancing its status in the public conscience of Russian native speakers.

Общепризнанный русский язык воплощен в многообразии форм и вариантов, важнейшими из которых являются, с одной стороны, законодательно принятый в качестве государственного внутритерриториальный литературный язык и, с другой стороны, устойчивые территориальные разновидности русского языка — русские народные говоры, которые служат средством общения примерно для трети населения России. Русские народные говоры — это не только территориальные варианты русского национального языка, составляющие его собственно лингвистическое богатство и многообразие, но и ценнейшее культурное достояние России. В народных говорах, как и в любом языковом идиоме, имеющем длительную историю, зафиксированы знания, веками накопленные носителями данной культуры. Народная речь хранит особые, не всегда выражаемые литературным языком знания: о традиционном ведении хозяйства, о традиционном русском семейном укладе жизни, о национальных обрядах, обычаях, народном календаре, о том, как в русской народной традиции понимается мир и человек в нем. Так же как русское языковое пространство формируется совокупностью территориальных языковых пространств, русское культурное пространство сформировано совокупностью территориальных культурных пространств. Сужая языковое пространство до одного лишь литературного языка, а культурное пространство до одной лишь городской культуры, мы, несомненно, обедняем и то, и другое — и национальный русский язык, и национальную русскую культуру.

Отношение к русским народным говорам и направленная на них языковая политика нашего государства в течение последних 150 лет существенно менялись. С середины XIX в. и вплоть до 20-х гг. XX в. в российском обществе наблюдался бурный рост интереса к народной культуре и в том числе — к русским диалектам. В это время на говоры смотрели как на самую богатую форму русского языка и живое воплощение русских национальных черт, воплощение духа народа. Передовые деятели образования, ученые-педагоги, методисты в этот период рекомендуют наряду с литературным языком изучать в школах и диалектную речь, знакомить учащихся с богатствами местных говоров, с народной культурой.

На протяжении середины — 2-й половины XX века происходило угасание интереса к национальной традиционной культуре, формировалось резко отрицательное отношение к диалектам как к речевому выражению мелкобуржуазного косного крестьянского мировоззрения. Конечная цель преподавания русского языка в сельской школе понимается в эти годы как полное вытеснение диалектов литературным языком. В сознание школьников внедрялась мысль, что речь их односельчан, родителей, предков — речь грубая, серая, недостойная культурного человека.

В различных диалектологических центрах нашей страны ведется большая и многогранная полевая и исследовательская работа. Однако без специальной помощи государства и широкого общественного движения за толерантность речевой коммуникации существенно изменить отношение к деревне и её речевой культуре пока не удастся.

Литература

- Аллатов В. М. Русский язык на постсоветском пространстве (1991–2006) // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М., 2007.
- Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972.

Специалистами в области речевой коммуникации не раз отмечались существенные различия между языковой политикой в отношении к территориальным диалектам в таких государствах, как, например, Великобритания, Германия или Япония, и в современной России. В упомянутых странах с не менее глубокой, чем в России, языковой традицией, принимаются специальные меры по поддержке территориальных диалектов: поощряются СМИ, публикующие часть материалов на местной речи, выделяется телевизионное время для вещания на диалектах, организуется знакомство учащихся с народными говорами их регионов. Результатом такой языковой политики является то, что общество чрезвычайно ценит местные говоры как общественное богатство, как яркое выражение национальной самобытности народа и живую основу национально-языкового развития; образованные носители литературных языков в этих странах гордятся параллельным владением местной речью (литературно-диалектным двуязычием) и даже в публичных выступлениях не упускают возможности продемонстрировать с его помощью свой патриотизм и речевую толерантность. Языковая политика, поддерживающая территориальные диалекты национального языка, не только разумно сохраняет эти ценные ячейки общенациональной культуры, но и способствует обогащению национальных литературных языков, увеличивающих за счет диалектной подпитки свою коммуникативную гибкость, мобильность, живое обаяние.

В отношении русских народных говоров необходима целенаправленная языковая политика. Необходимо проведение поддерживаемых государственными и общественными организациями мероприятий, направленных на привлечение общественного внимания к территориальным разновидностям русской речи, на развитие патриотических чувств по отношению к родной речи, на повышение ее статуса в общественном сознании. К таким мероприятиям можно было бы отнести, например, мероприятия образовательного характера (включение в программу школьного курса русского языка тем о местных разновидностях русской речи, включение темы «Русские народные говоры как достояние русской национальной культуры» в вузовский курс «Русский язык и культура речи»); мероприятия, привлекающие общественное внимание к русским народным говорам (включение материалов о значении диалектной речи для русской речевой культуры в теле- и радиопередачи о русском языке, в соответствующие рубрики печатных СМИ, организация конкурсов «Родная речь» для школьников, учителей сельских и районных школ, для языковедов-русистов, для краеведческих музеев, например, на лучшую экспозицию о местной диалектной речи и о талантливых носителях местных говоров); создание крупных архивов машинообработываемых записей русской народной речи и лингвокультурологических корпусов традиционного сельского общения.

Внимание к народно-речевой культуре, поощрение общественного интереса к ее богатству будет способствовать повышению самооценки сельских жителей, укреплению русского национального самосознания, повышению престижа русского языка.

Националната научна терминология в условията на глобализация (върху материали от българската медицинска терминология)

П. Кънчева

Globalization, medical terminology, standardization, thesaurus

Summary. Under the conditions of globalization it is important to be definite the essence, the status and the prospects of the national terminology. By *Bulgarian medical terms* we mean the names established by scientific tradition, duplicating the Latin medical terms and coined with the means of the Bulgarian language or loan-words which are grammatically integrated (assimilated) into the Bulgarian medical text and are written in the Cyrillic alphabet. In their integrity and systemic relationships, the Bulgarian medical terms make up the *Bulgarian medical terminology*. The standardization of the medical terminology is at a rather advanced stage. The next step in the standardization would be to include all the medical terms into a conventional (consensual) Bulgarian medical nomenclature and to create English-Bulgarian and Bulgarian-English Medical Thesaurus.

Въведение. Процесите на глобализация създават условия за уеднаквяване в езиково отношение на научните изследвания, в резултат на което в днешно време английският език се установи като международен език в сферата на науката.

Делът на англоезичната научна продукция в българските медицински среди през последните години нараства и вече надвишава в количествено отношение публикациите на български език. В тези условия е важно за националната наука да определи същността, състоянието и перспективите на българската медицинска терминология.

Изложение. По дефиниция съвременната медицинска терминология е система, в която могат да се отделят три групи: 1) анатомична и хистологична номенклатура; 2) многоаспектна клинична терминология; 3) фармакологична терминология и химическа номенклатура. Медицинската терминология е наднационална, във висока степен унифицирана и стандартизирана и е изградена на базата на думи и словообразователни елементи от латински и старогръцки произход.

За нуждите на националната наука, здравеопазването и образованието за голяма част от латинските / старогръцките медицински термини са създадени дублиращи български медицински термини.

Под *български медицински термини* разбираме утвърдените от българската научна традиция названия, дублиращи латинските / старогръцките медицински термини, създадени чрез домашни средства или заемки, които се враждат (асимилират) формално-граматически в българския медицински текст и се изписват с кирилица. В своята цялост и системни отношения те изграждат *българската медицинска терминология*.

Терминообразуването на тези дублиращи названия се извършва главно чрез три терминообразователни начина: 1) чрез преосмисляне на номинативните средства на българския език (специализация и метафоризация / метонимизация); 2) чрез буквално и свободно превеждане или 3) чрез пряко заемане и побългаряване на латински / старогръцки термини.

Утвърждаването на българските названия като български медицински термини има своя история и се извършва чрез последователното им включване в специализираната литература и по-специално в университетските учебници, издадени в България.

Видно място в създаването на съвременната българска медицинска терминология има проф. И. Шапшал, роден в Санкт Петербург, руски емигрант в България, автор на първия български учебник по анатомия на човека (в три части, издадени съответно през 1926, 1927 и 1930 г. в обем от 1500 с.).

Създаването на българска медицинска терминология като национална терминологична система се обуславя от обществените потребности.

Част от разделите в медицинската наука (напр. анатомия, физиология, клиника и др.) са пряко свързани с образованието и здравеопазването и на практика потребител на съответните термини е цялото общество. Затова в тях българската терминология е в най-висока степен развита и установена. Тя оформя едно терминологично ядро, в което терминообразователните процеси са завършени или са в крайна фаза и терминологичната стандартизация е в напреднал етап. Това ядро е устойчиво в процесите на глобализация и представително за българоезичната медицинска литература.

Редица раздели от медицинската наука имат тесен кръг от потребители на термини — това са съответни медицински специалисти, които работят в затворени професионални обединения без пряк досег с обучаеми или пациенти. В тези отрасли дублиращата българска медицинска терминология е слабо развита. Като терминообразователен способ преобладава прякото заемане и побългаряване на латински / старогръцки термини. В редица случаи дори не се правят опити за създаване на дублиращи термини, съответстващи на българския език.

В условията на глобализация източникът на заемане на нови термини е основно английският език. С навлизането на англоезични термини в българските медицински текстове се създават възможности за терминологична синонимия — явление, което в терминологията (с малки изключения) се оценява с отрицателен знак. Необходимо е да се полагат усилия за езиковата правилност на новите термини с оглед на нормите на българския книжовен език.

Заклучение. Времето на глобализация поставя изисквания пред националната терминология да съхрани националната идентичност на науката. Това може да се осъществи чрез обединените усилия на широк кръг медицински специалисти, логици и филолози за довеждане до край на процесите на *терминологична стандартизация* чрез преодоляване на синонимията и създаване на консенсусна българоезична медицинска номенклатура в основните медицински отрасли — анатомия, клиника, фармакология.

Следващата стъпка е за частните медицински науки да бъдат разработени *българско-английски / английско-български тезауруси* — специализирани речници с посочване на семантичните отношения (синоними, антоними, пароними, хипоними, хипероними и т. н.) между термините, които в електронен формат са ефикасен инструмент за описание на отделните тематични области.

Вариантност и изменение языковой нормы в украинском литературном языке двух последних десятилетий

Г. М. Лесная

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России

Украинский литературный язык, языковая норма, вариантность языковых единиц, языковая ситуация, язык и СМИ

Summary. Based on the modern Ukrainian language material the author investigates the influence of variant language units on the formation and changing of the linguistic norm in the last two decades.

Широкаят вариантност на языковите единици е характерна особенност на украинския литератур-

ного языка (далее — УЛЯ). Она обусловлена как историческим развитием литературного языка, его контактами с диа-

лектами и другими языками, так и экстралингвистическими факторами. В современном УЛЯ варианты охватывают разные уровни языка; различают акцентологические варианты (*також* — *такожс*, *завжди* — *завжди*, *помилка* — *помилка*); морфологические и словообразовательные (*пелюсток* м. р. и *пелюстка* ж. р.; *заспівувач* и *заспівач*, *бджільництво* и *бджолярство*); варианты грамматических форм (*батькові* и *батьку*, *прикрашувати* и *прикрашати*); синтаксические варианты (*чекаю на тебе* и *чекаю тебе*, *пишу лист* и *пишу листа*) и лексико-семантические (*потяг* — *поїзд*, *лимон* — *цитрина*, *подорож* — *мандрівка*). Эти явления подробно описаны нами в двух учебниках по украинскому языку как иностранному, изданных в прошлом году [Лесная 2010]. Отражаясь на всех уровнях языка, варианты языковых единиц, как правило, связаны с формированием литературной нормы, когда осуществляется переход от устаревшего варианта нормы к новому.

В последнее двадцатилетие вариативные процессы в УЛЯ резко усилились не только ввиду общественно-политических изменений, произошедших в стране и в мире, но и под влиянием значительного увеличения числа людей, использующих украинский язык вместо русского в сфере официального и делового общения (после признания его единственным государственным языком в Украине). Оставив в стороне проблемы русско-украинской интерференции, двуязычия и их влияния на языковую норму, следует обратить внимание на то, что массовое использование невариативных норм в речи таких людей оказывает отрицательное влияние на современное состояние УЛЯ, так как выходит за рамки бытового общения, звучит с каналов телевидения, на радио, используется в прессе.

Весьма показательна в этом плане реклама (и на экранах телевизоров, и на рекламных щитах больших городов), поскольку ориентирована на самый широкий круг потребителей и многократно повторенная и увиденная закрепляется в сознании тех людей, которые владеют суржиком или находятся в процессе изучения языка. Так, в течение прошлого года на всех основных каналах украинского ТВ шла реклама зубной пасты «Сенсатив» с текстом *Я не відчуваю біль*, в котором слово *біль* было употреблено в родительном падеже женского рода (как это присуще русскому языку), а не мужского рода *болю*, являющегося нормой для УЛЯ. На билборде по пути из аэропорта Борисполь в Киев (октябрь 2011 г.) была размещена реклама, призывающая покупать все для *доброї рибалки*. Слово *рибалка* в современном УЛЯ мужского рода и обозначает «рыбака», а русское «рыбалка» переводится как *риболовля*. Таких примеров можно привести немало.

Вместе с тем многие императивные нормы УЛЯ (т. е. такие, которые находятся в пределах литературной нормы) также подвергаются давлению под влиянием других факторов, что приводит к колебанию языковой нормы как таковой. Среди них следует выделить:

1. Возвращение в речевой обиход старых языковых форм и слов и параллельное их употребление с уже имеющимися. Этот процесс, коснувшийся всех уровней языка, наиболее показателен в сфере употребления лексики. И здесь следует

говорить не только о предпочтениях старого или нового на разных каналах телевидения и в печатных изданиях: чаще всего в пределах одного журналистского репортажа или сообщения телеведущего новостей используются простые лексические дублиеты (*потяг* — *поїзд*, *аеродром* — *летовище*, *переговори* — *перемови* — *перемовини* — *перемовлення*). Противоречие состоит в том, что возврат такого объемного пласта лексики мотивируется стремлением отказаться от простых дублиетов, чаще всего иноязычного происхождения, появившихся в УЛЯ в советское время: вернуть старое *чинник* вместо *фактор*, *канапка* вместо *бутерброд*, *речник* вместо *прес-секретар* и т. п. Однако процесс этот не является последовательным, и замена не происходит автоматически. Несмотря на рекомендации Комитета научной терминологии НАН Украины [Андерш та ін. 1994] и появление значительного числа учебных пособий, направленных на выбор вариантов, соответствующих литературной норме [Пономарів 2008; Культура мови... 2000], в речевой практике, СМИ, словарях присутствуют несколько вариантов или один из них.

2. Исправление тех языковых форм и слов (появившихся в советское время), в которых присутствуют элементы, несвойственные УЛЯ. Частично этот процесс совпадает с описанным выше. Возвращение собственно украинских языковых форм коснулось аффиксов (*завідувач* вместо *завідучий*, *пошукач* вместо *співшукач*), сложносокращенных слов (замена слова или той его части, которая была калькой с русского: старого *пилосос* на *пилосмок* и *порохотяг*; *вертоліт* на *гелікоптер* и *гвинтокрил*), аббревиатур (*вуз* на *внз* и *виши*), научной терминологии (*миш'як* на *арсен*, *оточуюче середовище* на *довкілля*) и т. п.

Нередко в речевой практике такие исправления не принимаются: в активном речевом употреблении остается *пилосос*, иноязычное *гелікоптер* используется наравне с двумя другими словами, а слово *внз* оказалось сложным в произношении из-за стечения трех согласных звуков, сейчас оно употребляется параллельно с дублиетом *виши*.

В настоящий момент развития многие литературные нормы в современном УЛЯ являются диспозитивными (т. е. не строго обязательными). Это отчетливо видно, если проанализировать неологизмы: с одной стороны, образование неологизмов соответствует основным закономерностям функционирования УЛЯ (*безхатко* — «бомж», *скоробагатко* — «новый украинец»), с другой — этот процесс является неподсудительным.

В целом положительный процесс отказа от немотивированных заимствований в УЛЯ происходит сложно и последовательно, поэтому в настоящее время нередко приходится говорить не только об устоявшихся нормах, но и нормативных установках, которые нормами еще не стали.

Литература

- Андерш Й. Ф. та ін. Російсько-український словник наукової термінології: Суспільні науки. Київ, 1994.
Культура мови на щодень / За ред. С. Я. Єрмоленко. Київ, 2000.
Лесная Г. М. Учебник украинского языка. Уровень А1. М., 2010.
Лесная Г. М. Украинский язык для стран СНГ: Учебник. М., 2010.
Пономарів О. Д. Культура слова: Мовностилістичні поради: Навч. посібник. 3-те вид. Київ, 2008.

Русский язык в образовательном пространстве Армении

Л. Б. Матевосян

Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)

Армения, русский язык, образовательное пространство

Summary. Today Russian is a foreign language in Armenia, but it is the first from the average, because Russia is stays the most publishing and translating country. Armenian libraries are completed by Russian literature, Armenian Diaspora of Russia more than two million people.

Сегодня современный мир находится под знаком «кризиса», поэтому взаимопонимание народов стало той необходимостью, без которой сложно и невозможно, предсказать дальнейшее развитие человечества. Этим объясняется повышенный интерес к изучению иностранных языков, прежде всего языков широкого международного употребления — английского, французского, испанского, немецкого. Этим

объясняется и интерес к изучению русского языка в разных странах.

Армяне связали свою судьбу с русским народом почти два века назад. Вхождение Армении в состав Российской империи, а затем равноправное существование в составе СССР определило ее социально-экономическое и культурное развитие. Русский язык проник во все сферы общест-

венной, культурной, производственной деятельности. Однако условия функционирования и уровень владения русским языком в Армении имели и имеют ряд специфических черт, ибо национальный состав Армении был и остается однородным, и большинство населения считало и считает своим родным языком армянский. И сегодня значительная часть армян уже независимой Армении — носители «координативного» армяно-русского двуязычия, что является результатом труда преподавателей-русистов, а также общественных и политических деятелей.

Началом становления русистики в Армении можно считать год 1938. Год, когда в стенах Ереванского государственного университета на филологическом факультете открылось отделение русского языка и литературы и была создана кафедра русского языка. Позже в разных вузах страны были созданы целые коллективы русистов. Сегодня в Армении достаточно много центров русского языка и очагов русской культуры. В центре внимания русистов — проблема обучения русскому языку: содержание, методы и технологии обучения. И как следствие — создаются учебники и учебные пособия для школьников и студентов с учетом особенностей родного языка и родной культуры. Так что школьники и студенты Армении сегодня изучают русский язык по учебникам, написанным авторскими коллективами русистов-армян. Русистов Армении всегда интересовала проблема взаимодействия языков — армяно-русское двуязычие, проблема взаимодействия культур, ибо изучение языка, усвоение его лексики и грамматики неразрывно связано с изучением культуры народа. Русисты Армении обогатили и продолжают обогащать лексикографический фонд русского языка двуязычными — армяно-русскими, русско-армянскими — словарями, а также учебными словарями разных типов. Из года в год увеличивается число студентов-иностранцев. Это граждане Индии, стран Ближнего Востока: арабы, персы, армянский спюрк. Поэтому проблема обучения русскому языку как иностранному вместе с проблемой билингвизма стала ведущей в Армении.

Русский язык в Армении сегодня, хотя и назван в ряду иностранных языков, продолжает оставаться первым / обязательным среди равных (его изучают в школе, в вузе), ибо есть мотивация:

- Россия была и остается самой переводящей и печатающей страной;
- наши библиотеки **пока** лучше укомплектованы литературой на русском языке;
- армянская диаспора России насчитывает более двух миллионов армян;
- для армян, проживающих или выезжающих на заработки на территорию постсоветского пространства и в страны Восточной Европы, русский язык — орудие производства и часть культуры;
- русский язык — средство общения не только между специалистами, но и людьми разных стран. Сегодня все чаще

говорят о консолидирующей роли русского языка в развитии межкультурных отношений не только между Российской Федерацией и странами ближнего и дальнего зарубежья, но и во всем евроазиатском пространстве.

Так что реальный статус русского языка в Армении, на наш взгляд, гораздо выше его правового статуса. Об этом говорят и цифры: сегодня русские составляют приблизительно 1% населения Армении (Армения всегда была мононациональной республикой), число же владеющих русским языком — примерно 70% (данные МИД РФ). Наконец, благодаря русскому языку мы, армяне, несем свой этнос и свою культуру миру.

Сегодня перед нами, армянами, стоят глобальные задачи: выживание в условиях беспощадной конкуренции мирового рынка и утверждение политического, экономического и культурного авторитета нашей страны. Препятствием, тормозящим их выполнение, является незнание или недостаточный уровень знания языков. Когда растут и расширяются международные контакты, незнание или недостаточный уровень знания языков наносит стране материальный и моральный ущерб. Особо остро в Армении стоит проблема языковой подготовки кадров высшей квалификации, кадров, призванных развивать и ускорить научно-технологический прогресс.

Интернет сегодня стал доступным и для потребителей русистов, достижения в области новых технологий, а значит, новых форм общения, новых ресурсов, новых методов обучения русскому языку сегодня актуальны как никогда. Молодежь фактически живет-обитает в новом — **виртуальном** — пространстве. Внедрение всех видов новых информационных технологий в учебно-образовательный процесс стало очевидным, а подключение к Интернет-сети преподавателей, служителей науки и образования — необходимо. Современный конкурентоспособный специалист должен не только удваивать-увеличивать знания, но и совершенствовать их: уметь грамотно, соблюдая языковые / речевые нормы, обрабатывать информацию и представлять ее в виртуальном мире. Распространение электронного обучения русскому языку (в Армении уже делаются первые шаги) позволит дистанционно наладить межнациональные и межкультурные связи и тем самым улучшить качество образования, ибо русский язык был и остается международным языком в мировом культурном, экономическом и информационном пространстве. Ярким пример и доказательством того, что виртуальное общение является эффективной формой обмена опытом между русистами, являются электронные конференции. Электронные конференции, на наш взгляд, способны объединить страны и континенты, превратив Интернет-пространство в арену плодотворного межнационального и межкультурного сотрудничества между учеными-русистами, работниками и образования, преподавателями / учителями русского языка и литературы, аспирантами, студентами и школьниками.

Этнокультурные особенности названий вывесок мест общественного питания в России и Польше

Й. Митурска-Бояновска

Щецинский университет (Щецин, Польша)

Л. А. Араева

Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Signboards' names, cultural characteristics

Summary. The object of our analysis are Russian and Polish signboards. The inspiration for their names are Polish and Russian moves.

Вывески выполняют функцию рекламы, которая должна воздействовать на клиента, привлечь его внимание. У владельцев мест общественного питания постоянно появляются новые идеи относительно названия, графической формы вывески, витрины и дизайна интерьеров. Наше внимание привлекли названия вывесок, понимание которых требует знания истории, культуры России и Польши.

Так название венгерского ресторана *Szabla i szklanka* в Кракове связано с историей Польши и Венгрии, это намек на историческую поговорку, функционирующую в польском и венгерском языках: польск. *Polak, Węgier, dwa bratanki, i do szabli, i do szklanki* (венг. *Lengyel, magyar — két jó barát, együtt harcol, s issza borát*) — смысл которой можно передать следующим образом: поляк и венгр два неразлучных

брата, которые вместе сражаются и вместе развлекаются. Пословица возникла в то время, когда на польский престол вступил венгерский князь Стефан Баторий (к. XVI в.), а в составе польской армии служили венгерские наемники.

В польских городах неслучайно появляются названия ресторанов, баров, связанные с названиями кинокартин. В Торуне в 2005 г. открылся бар *Miś*. Само название, меню, дизайн и соломенный мишка в витрине — намек на культовый фильм под таким же названием польского режиссера С. Барей. На стенах паба висят картины — изображения возчика и бестолкового милиционера — символизирующие некачественность, сермяжность, характерные для социалистической Польши. Внимание клиентов бара привлекает металлическая тарелка, приклепленная к столу винтом, а рядом с ней ложка и вилка на металлической цепи (как в комедии Барей).

Уже несколько лет в Щецине гостей приглашает паб *Szuflandia*. Название и дизайн интерьера паба ссылаются на комедию *Kingsajz* знаменитого польского режиссера Ю. Махульского. *Szuflandia* (ср. другие дериваты, типа *Bajkolandia*, *Kinolandia*, *Aqualandia* по аналогии с лексемами *Finlandia*, *Irlandia*) — это шуточное название страны, в которой обитают гномики. Место их обитания нетипичное — каталог библиотеки. Их домики — ящики каталога. В связи с этим в пабе ложки для гостей напоминают большие ящики (ящики каталога), над которыми, как в фильме, висят лестницы из спичек (по которым могли передвигаться жители Шуфляндии).

В Цисней любителей польских Бещад приглашает бар *Siekierzada*. Название созвучно с польским психологическим фильмом, который появился на экранах кино в 1985 г. Режиссером кинокартины является В. Лещински. Бар *Siekierzada* не только названием, но и дизайном напоминает фильм (напр. топоры в столах). Название *Siekierzada* (польск. *siekiera* 'топор') своей структурой напоминает другие слова, напр. *Szerezaada* (Шегерезада) или русск. *академиада*, *дьяволиада*, *раблезиада*, *фолклориада* и др.

В. Лещински в 1981 г. работал над комедией *Konopiелka*. Фильм рассказывает о жизни сельчан в деревне Тапляры в восточной части Польши. Несмотря на то, что остальные жители Польши пользуются достижениями цивилизации XX века, они продолжают жить в этом захолустье, как их деды и прадеды, полные предрассудков, не имея представления о том, как выглядит жизнь за пределами деревни. Однажды в деревню приезжают местные власти и молодая учительница, которые предлагают жителям электричество и открыть школу. Однако не всем понравилась такая идея. Фильм стал инспирацией для владельцев недавно открывшейся кабака *Konopiелka* в другом районе Польши, в местности Зблево (недалеко от Мальборка).

В Бещадах в местности Поляньчик появился трактир под названием *Zakapior*. Лексема *zakapior* (закапер) пришла в польский язык из русского (*закоперщик*) и имеет значение 'разбойник, бандит'. Однако в Бещадах это слово приобрело

совсем другое значение. Этим словом называется доброжелательное лицо. Это добрый дух гор, который помогает путникам и купцам в пути. Не каждый достоин звания *zakapior*. Неоднократно такое звание получают не только местные горцы, но и люди, которые бросили цивилизацию и решили слиться с природой. Многие из них именно в Бещадах стали артистами, художниками.

В России, в отличие от Польши, нет такой экзотики, но тем не менее, названия ресторанов, связанные с именованиями фильмов, отражающими национальную культуру русской нации, либо с названиями полюбившихся зарубежных фильмов, также имеются.

Ресторан *Вечный зов*, открытый в Кемерово, пополнил брендовую систему ресторанов *Вечный Зов*. Название ресторана связано с названием многосерийного фильма, созданного режиссерами В. Краснопольским и В. Усковым — по одноименному роману А. Иванова. Сериал пользовался популярностью в 80-е годы XX века в России. В фильме раскрывается с 1906 по 1960-е годы история семьи сибиряков Савельевых. Не случайно в сибирских городах появились такие рестораны, называемые, как в старину, трактирами, в которых в меню представлены старинные сибирские блюда, звучит музыка, которая исполнялась в купеческие времена.

До настоящего времени с ностальгическим удовольствием россияне смотрят фильм *Белое солнце пустыни*. В Кемерово недавно открыт ресторан *Белое солнце пустыни*, который соединен с рестораном *Узбекистан* зеленым внутренним двориком, где находятся фонтаны и павлины.

Фильм *Белое солнце пустыни* рассыпался в названиях кафе, ресторанов не только через название фильма, но и через полюбившихся зрителю героев: в Москве есть рестораны: *Белое солнце пустыни*, *Восток — дело тонкое*, *Петруха*; в Новосибирске — *Белое солнце*, в Астане — ресторан *Абдулла*, а в С.-Петербурге — ресторан *Гульчатай*. В этих названиях проявляется пропозиционально-дискурсивное мышление, связывание различных персонажей фильма с разнообразием восточной кухни.

Таким образом, названия ресторанов сохраняют культурные концепты, свойственные определенной нации, сохраняя культурную память нации. Можно в связи с этим отметить и такие названия ресторанов, как: *Джентльмены удачи* в Москве и Саратове; *Бриллиантовая рука* в Мурманске, Уфе; *17 мгновений весны*, *Штирлиц*, *Элефант* (по названию ресторана, в котором встречался Штирлиц со своей женой) — в Москве; *12 стульев* — в Нижнем Новгороде; *Остан Бендер* — в Челябинске; *Ресторан Печескаго*, *Киса Воробьянинов* — в Одессе; *Золотой теленок* — в Краснодаре, Саратове; *Кавказская пленница* — в Москве, Ереване; *Калина красная* — в Бийске; *Самозончики* — в С.-Петербурге; *Ирония судьбы* — в Кургане; *Кин-дза-дза* — в С.-Петербурге; *Мимино* — в Донецке (на стенах представлены снимки киногероев, официанты одеты в форму стюардесс), Киеве, Днепрпетровске, Одессе.

Политический язык и политический дискурс: проблема разграничения

Т. И. Никишина

Бердянский государственный педагогический университет (Бердянск, Украина)

Политический язык, политический дискурс, политика, дискурс, манипуляция

Summary. This paper is an attempt to delineate the concept of political language and discourse. We give a brief description of the concepts. Also, an overview of current scientific work on this subject, which helps to make up their understanding of these definitions of modern political communication.

Современное общество характеризуется интенсивным развитием речевых коммуникаций. Техника рождает новые формы речевой связи, в результате чего появляются новые виды и жанры общения. Повышение значительного интереса к сфере политики и приобретения нею свойств манипулятивного воздействия не обошло внимание и лингвистов, что обусловило выделение специфического варианта вещания, ориентированного на сферу политики.

Определенные вопросы политического дискурса и политического языка в той или иной степени подвергались исследованию и анализу в трудах ученых разных стран. В частности современные работы отечественных и зарубежных лингвистов Р. Водак, Т. ван Дейка, П. Серно, В. В. Богданова, В. И. Карасика, А. Г. Баранова, Е. С. Кубрякова, Г. Г. Почепцова, Л. П. Крысина, Е. Й. Шейгал, Л. П. Нагорной и др.

Некоторые ученые принимают понятие политический дискурс, имея в виду дискурс, инициированный экстралингвистическими проблемами общественности. Он формируется на основе национального языка, который используется политиками, партиями или властными структурами для достижения самых разных целей [Лукьянец 2002: 22].

Конечно, распространенные толкования сущности политического дискурса базируются на теоретических основах многогранного определения центрального понятия «дискурс», в частности:

1. Политический дискурс — это комплекс речевых структур в определенном лингвистическом контексте — политической деятельности, политических взглядов и убеждений вместе с ее негативными проявлениями (например уклонением от политической деятельности, отсутствием политических убеждений и др.) [Опарина 2002: 20].

2. Политический дискурс — это любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых коррелируется со сферой политики [Шейгал 2000: 23].

3. Политический дискурс может быть определен как совокупность всех речевых актов в политических дискуссиях, а также правил публичной политики, которые сформировались согласно существующим традициям и получили проверку опытом [Баранов, Казакевич 1991: 6].

Что касается термина политический язык, то его определяют как совокупность вербальных структур, используемых в сфере политики и влияющие на политическое сознание индивидов и их участие в ходе политических процессов. Политический язык нельзя сводить только к языку публичных политических дискуссий, ведь сюда входит и язык документов, законов и т. п.

Р. Водак отмечает, что политический язык находится как бы между двумя полюсами — функционально обусловленным специальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией. Поэтому политическая речь «должна выполнять противоречивые функции: быть доступной для понимания (в соответствии с задачами пропаганды) и ориентированной на определенную группу (по историческим и социальным причинам)» [Водак 1997: 24].

Под определением «политический язык» ученый Л. А. Нагорная понимает терминологию и риторику политической деятельности. В нем различают язык законодательства, язык управления, язык дипломатического общения и переговоров, язык политической пропаганды, язык политического воспитания. Политический язык в таком видении — это не обязательно прерогатива профессиональных политиков или государственных чиновников; это, во-первых, ресурс, открытый для всех членов языкового сообщества, а во-вторых, речь, применяемая в манипулятивных целях. В сферу политического языка относят также весь спектр проблем,

связанных с политической корректностью и борьбой за чистоту языка [4, 74].

Итак, политический дискурс — это совокупность политических дискурсов социума: дискурса власти, контрдискурсии, публичной риторики, закрепляющих сложившуюся систему общественных отношений, дестабилизируя ее. Интерпретируя политический дискурс в его целостности, нельзя ограничиваться чисто языковыми моментами, иначе суть и цель политического дискурса пройдут незамеченными. Понимание политического дискурса как динамического процесса речевой деятельности, предполагает знание фона, ожиданий автора и аудитории, скрытых мотивов, сюжетных схем и излюбленных логических переходов, существующих в конкретную эпоху.

Термин «политическая речь» появился как специфическое разветвление речевой коммуникации и стал занимать одно из ведущих мест в нашей современности. Имея определенные особенности этот вариант речи, ориентированный на сферу политики, раскрывает присущие ему, основные черты, которые демонстрируют все богатство выразительных средств и выполняют важные функции в жизни общества, подтверждает становление и развитие данного вида деятельности и возможное дальнейшее выделение его в отдельный стиль речи. Это подтверждается отличием политического языка от обычного тем, что в нем:

— политическая лексика», терминологичность, а обычные, не чисто «политически» языковые знаки употребляются не всегда так же, как в обычном языке;

— специфическая структура дискурса — результат иногда очень своеобразных речевых приемов;

Подытоживая вышесказанное отметим, что несмотря на наличие значительного количества специальных исследований и определенных достижений открытым вопросом остается проблема использования соответствующего термина для обозначения этого вида коммуникации.

Литература

- Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.
- Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Пер. с англ. и нем. Волгоград, 1997.
- Лукьянец В. С. Философия дискурса // Вестник НАН Украины. 2002. № 12. С. 22–28.
- Нагорная Л. П. Политический язык и языковая политика: диапазон возможностей политической лингвистики. М., 2005.
- Опарина Е. А. Метафора в политическом дискурсе // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования: Сб. науч. тр. / Отв. ред. и сост. В. И. Герасимов, М. В. Ильин. М., 2002. С. 20–31.
- Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Дисс. ... доктора филол. наук. Волгоград, 2000.

Језичка култура и језичка политика (на српском језичком простору)

М. Николић

Универзитет у Крагујевцу (Крагујевац, Србија)

Језичка политика, језичка култура, српски језик

Summary. This paper discussed about relationship between language culture and language policy. The aim is to show in which way this disciplines exert influence to each other and what kind of relations are between them.

За постојану бригу о неком стандардном језику неколико је основних разлога. Језик је подложен сталним и разноврсним променама и када би се он непрекидно и неконтролисано мењао, али и када се уопште не би мењао, то би отежавало или чак онемогућавало комуникацију међу његовим говорницима. Брига о њему служи како би стандардни језик увек могао ефикасно одговарати новим и различитим функцијама. Такође, нимало мање важан разлог за бригу о једном језику и његовом развоју крије се у томе што језик има веома важну идентификацијску улогу. На психолошком плану, језик одсликава емотивну и аутохтону повезаност међу говорницима тога језика, припадност појединца групи, наставак језичке традиције. Због свега тога, као сталан посао у ланцу корака и поступака, намеће се и култи-

васање, тј. неговање тог стандардног језика, духа његових форми и његових норми, у крајњем — неговање усмене и писане речи.

Две су дисциплине подједнако важне за развој, неговање и култивисање једног стандардног језика. То су језичка култура и језичка политика. Неодвојиве су и у великој мери зависе једна од друге. Циљ овог рада је показати какав је њихов однос, колико и на који начин утичу једна на другу, као и који су резултати и у чему лежи значај њихове узајамне повезаности и комплементарности.

У овом раду **језичка култура** схваћена је веома широко, као **лингвистика језичке културе**. То би значило да се нећемо бавити језичком културом у ужем смислу, која је схваћена као владање нормама књижевног језика у његовој

писменој и усменој форми, већ ћемо језичку културу тумачити као област лингвистике, која има за предмет нормирање говора, која разрађује препоруке за вешто коришћење језиком — тј. усавршава говорне вештине. Тако схваћена језичка култура, поред поменуте — апликативне стране (уз то је и, пре свега, методика наставе језичке културе, медијска популаризација језичке културе итд.) има и изузетно развијену теоријско-методолошку концепцију [Николић 2010].

Други кључни појам — **језичку политику** — дефинишемо као дисциплину која се бави теоријским и практичким питањима у вези са проблемима и развојем језичке норме и стандардног језика [Радовановић 2003: 187–188], [Шипка 2006]. Језичка политика бави се језичким планирањем које тежи ширењу стандардног језика и хоризонтално и вертикално, затим неговањем стандардног језика у свим функцијама и употребама (језичка култура), вредновањем језичких могућности, као и преправљањем норме стандардног језика на свим нивоима, у свим функцијама и употребама у складу са потребама друштва чији је инструмент.

Сам предмет којима се ове две дисциплине баве — **стандардни језик** — заједнички је. Циљеви су донекле слични, једина разлика постоји у томе што је врхунац, достизање највиших циљева за језичку културу усвајање високе језичке компетенције говорника и друштва у целини (што подразумева четири компоненте — језичку, етичку, комуникативну и естетску), а највиши циљ језичке политике јесте експанзија (ширење) једног језика, његова култивација и константно усавршавање [Радовановић 2003: 188–189]. Дакле, прогрес једног стандарда а никако његова деградација. А прогрес подразумева високи ниво језичке културе, али подразумева и нешто друго, које излази из домена лингвистике и улази у домен политике. Језичка политика

обухвата планирање у оном сегменту у коме се налазе језичко планирање, финансирање лингвистичких истраживања и пројеката, доношење друштвених норми (прописа и закона) о спровођењу и употреби језичке норме у школи, администрацији и другде, одређивање цена нормативних приручника итд. Дакле, циљеви језичке политике оствариће се уколико се побољшава политичка и научно-образовна ситуација. Економско-политичка ситуација омогућава већи животни стандард — бољу демографску ситуацију (повећање броја говорника, смањење миграција, асимилација нових говорника) што доприноси ширењу једног језика и његовог стандарда, а научно-образовна ситуација (оснивањем институција које ће се бавити том проблематиком, финансирањем истраживачких пројеката, наставом језика и језичке културе, потпомагањем издаваштва, контролом медија и многим другим) доприноси постизању другог циља — култивацији и усавршавању, тј. високој језичкој култури у највећем могућем степену у једној савременој држави и успешном друштву.

Литература

- Култура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. М., 2003.
- Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003.
- Николић М. Теорија језичке културе. Београд, 2010.
- Пунер П. Српски између великих и малих језика. Београд, 2004.
- Шипка М. Језик и политика. Београд, 2006.
- Радовановић М. Sociolingvistika. Sremski Karlovci; Novi Sad, 2003.
- Радовановић М. Planiranje jezika (i drugi spisi). Sremski Karlovci; Novi Sad, 2004.
- Шипка М. Kultura govora. Sarajevo, 2005.

Динамика системы социокультурных потребностей русскоязычной личности стран нового зарубежья

Е. А. Погорелая

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко (Тирасполь, Молдова)

Аннотация. В докладе рассматривается динамика системы социокультурных потребностей русскоязычной личности стран нового зарубежья.

Уровень ценностного вакуума, который сформировался после распада единого государства, оказался многократно усиленным акцентированными действиями тех, кто исторически всегда выступал носителем национальных ценностей, главной из которых был и остается язык. Общество, переживающее тяжелый политический, экономический и культурный кризис, медленно теряет в первую очередь свой национальный стержень — тот слой интеллигенции, который всегда выступал хранителем нравственных основ общества. Стараниями лучших из представителей национальной интеллигенции, нравственный авторитет которых оставался в обществе долгое время безупречным, благородная идея сохранения и развития национальных языков и культур всех нерусских народов, консолидировавшая общество на рубеже 80–90-х годов, была трансформирована в концепцию национального возрождения одного из народов полиэтничного социума. Такая модификация исходного замысла привела не только к нарушению межэтнического согласия в обществе, обеспечив в полиэтничном социуме переход от национального неравенства к социальному, но и разрушила естественную иерархическую систему социальных потребностей современной языковой личности, лишив ее возможности полноценной самореализации.

Авторы концепции новой языковой политики, как оказалось, сознательно вывели из сферы обоюдных интересов русского и нерусских народов отношение к языку как к индикатору уникальной культуры, которая только и обращает процесс общения в диалог взаимообогащения, и превратили язык в действенный идеологический инструмент, разрушающий основу полиэтничного социума — естественное право самобытных народов сохранять в процессе толерантного

межэтнического взаимодействия свои культурные ориентации и языковые предпочтения. Целенаправленно меняя языковую доминанту информационного поля, искусственно разрушая естественную стихию языковой среды, прочно определяющей культурные ориентации и языковые предпочтения каждой личности полиэтничного сообщества, авторы и идеологи новой языковой политики вторгаются не только в сферу ее лингвистических, но и гражданских прав. Усилиями «неинтеллигентной интеллигенции» полиэтничное население постсоветских государств оказалось расколотым, толерантность межэтнических отношений сменилась напряженностью и заметной конфликтностью, системное снижение социального статуса русскоязычного населения оказалось настолько явным, что не оставляло иллюзий относительно нелингвистических целей языкового законодательства.

Разумное регулирование межъязыковых отношений немислимо без органичной их связи с культивированием в межличностных и, шире, в межкультурных взаимоотношениях всех составляющих полиэтничного сообщества атмосферы доверия, уважения, терпения и согласия. Двойные же стандарты в оценке роли и места различных языков — основы этнокультурной самобытности народов — ведут не столько к формированию двойной системы ценностей в обществе, сколько к осознанной и целенаправленной деформации общей системы идентификационных представлений каждой личности, вынужденной сквозь призму государственного языка формировать определенные компоненты шкалы своей аксиологической культуры. Для успешного разрешения сложной лингвистической ситуации, как представляется, необходимо разумно и осторожно дифференцировать функции каждого из языков, предоставив возможность от-

дельной личности в рамках определенной культурной самоидентификации отдавать предпочтение любому из них. Такой вариант продуманной и эффективной языковой политики с учетом своеобразных условий каждого из регионов становится оптимальным, если внимание сосредоточено на языковой личности, ее культурных потребностях и языковых предпочтениях.

Среди традиционных потребностей личности сегодня свое прочное место занимает *новая потребность* — *быть услышанной*. Эта потребность, остро востребованная этноязыковыми процессами во всех постсоветских государствах, отражает естественную потребность языковой личности в справедливости. Столкнувшись с тем, что в новых государствах легитимно разрушена, и это необходимо подчеркнуть, сама возможность удовлетворения потребности русского человека *быть услышанным*, осознали всю трагичность своего положения и русскоязычные, юридически лишённые языкового компонента полноценного удовлетворения своих социальных потребностей.

В гражданском обществе подлинно демократических государств целенаправленно формируется такой набор социальных потребностей, которые оказываются оптимальными для «себя» — самореализации личности, обладающей определенными правами, и для «других» — общества и государства, обязательства перед которыми в соответствии с общепринятыми нормами выполняются всеми в равной степени. К сожалению, в полиэтничном сообществе стран нового зарубежья культивируются социальные потребности, удовлетворение которых требует неадекватных интеллектуальных и моральных затрат «титულიной» и «нетитულიной» составляющих общества. Руководствуясь политическими це-

лями, новые идеологи независимых государств пытаются искусственно трансформировать систему социальных потребностей русской языковой личности, добиваясь той степени ее ментальной модификации, которая обеспечит реализацию вынужденной модели ее вербального и невербального поведения. Более того, целенаправленно разрушая саму возможность удовлетворения социальной потребности всех русскоязычных *быть услышанными*, они методично добиваются изменения самого набора и иерархии социальных потребностей, сложившихся в определенных социокультурных условиях для всего «нетитულიного» населения. Эти попытки и привели, по нашему мнению, русскоязычное население к признанию доминантной в системе социальных идентичностей комплексную потребность *быть услышанными*. Более того, лингвокультурная потребность *быть услышанной* стала не только практической доминантой русской языковой личности, стимулирующей выбор определенной ее стратегии поведения, но и положила начало процессам трансформации ее ментальности в изменившейся геополитической и социокультурной ситуации. Таким образом, эмоциональное состояние русских в странах нового зарубежья отражает степень удовлетворения системы их социальных потребностей, иерархия которых существенно трансформировалась для них в исключительных обстоятельствах, а сознание обнаружило и акцентировало практическую доминанту — *быть услышанными* в прямом и переносном смысле. Устойчиво доминируя в иерархии социальных потребностей, она в критической ситуации привела русское население каждой из суверенных стран к осознанному выбору своей модели поведения и дифференциации напряженных отношений с «титულიным» населением и его политической элитой.

К вопросу создания краткого русско-армянского словаря-справочника по лексике христианской церковной культуры

Л. А. Саргсян

Ереванский государственный университет (Ереван, Армения)

Г. Г. Амбардарян

Гюмрийский государственный педагогический институт (Гюмри, Армения)

Возникновение письменности и формирование языка у славянских народов было связано распространением христианства, вместе с христианским учением через книги, образование, что является составной частью культуры и в то же время одно из наиболее действенных средств ее социального воспроизводства. Христианская лексика связана со становлением христианства в славянских странах, христианизацией разных славянских земель, с возникновением и развитием старославянского языка и практики славянских переводов древних церковных текстов.

Христианское начало армянского и русского народов есть основа духовного развития в Армении и в России. Ныне актуально преподавание основ религиозной культуры и светской этики в школах России и истории Армянской Апостольской Церкви в школах Армении. Происходит интеграция духовных и этических традиций в национальную духовную традицию, что и составляет ядро национальной культуры: Отечество, семья, религия. Диалог внутри традиционных религиозных культур позволяет раскрыть общие духовные традиции многонационального российского народа.

Ныне в России проживает более двух миллионов армян, дети которых получают образование в России. Школа, вуз не только место передачи знаний, это место воспитание личности, где формируются нравственные координаты. Человек находится в центре мироздания, потому что другой точки отсчета у человека не существует, он смотрит на мир через себя. Любой человек должен иметь возможность изучать основы своей собственной религиозной культуры.

За годы советской власти церковная лексика была отодвинута на периферию и практически вытеснена из языко-

вого сознания людей. Даже в лексикографических источниках церковная (религиозная, конфессиональная) лексика представлена частично (Малый академический словарь, «Словарь русского языка» С. И. Ожегова и другие). Словари также были под влиянием идеологии, проводился процесс идеологизации толковых словарей. Возникают вопросы, касающиеся качественного и количественного состава лексики. Часто словари отказывались от использования пометы (*церк.*) и религиозную лексику очень часто описывают как устаревшую. Ныне эта лексика вышла за пределы замкнутой системы и обрела широкий спектр употребления.

В лексической системе современного русского и армянского языков лексика христианской церковной культуры возрождается и занимает особое место в духовной жизни наших народов. Назрела необходимость упорядочения, классификации, перевода церковной лексики, создание переводных, толковых словарей, словарей-справочников по лексике церковной культуры.

Предлагаем проект создания «Краткого русско-армянского словаря-справочника по лексике христианской церковной культуры».

Задача словаря привлечь внимание русских и армянских читателей к церковной лексике, дать возможность получить языковые ориентиры, навыки, энциклопедическую информацию, богословскую, историческую, культурную и другие сведения.

Источниками отбора церковной лексики являются христианская богослужебная и духовно-нравственная литература, научные сочинения, учебная литература, словарно-энциклопедическая литература. Следовательно, необходимо

дать объяснение понятийно-терминологическому аппарату церковной лексики.

Словник составляется по материалам личной картотеки, Электронного лексического фонда русского языка, Национального корпуса русского языка, рукописей Матенадарана, словарей-справочников, лексикографических источников.

Словник состоит из следующих тематических групп:

- 1) основные богословские понятия (Бог, Творец, Троица, вера и др.);
- 2) элементы церковного календаря, отражающие название церковных праздников (Рождество Христово, Вербное воскресенье, Великий Пост, Успение Богородицы и др.);
- 3) наименование церковной иерархии (митрополит, католикос, епископ, иерей, пономарь, диакон (дьякон) и др.);
- 4) названия высших органов церковной власти и управления (Вселенский Собор, Антиохийский Собор, Халкидонский Собор, Поместный Собор, Архиерейский Собор, Священный Синод и др.);
- 5) названия таинств (причащение, крещение, миропомазание и др.);
- 6) наименования библейских персонажей и знаменательных лиц (апостол, пророк, великомученик и др.);
- 7) храм и его части (церковь, придел, алтарь и др.);
- 8) предметы богослужения (потир, омофор, дискос, звезда, лжица, копие, дарохранительница, дароносица, священные сосуды, трехсвечник, кадило, каждение и др.); священнические облачения и их части (фелонь, mitra, ряса, камилавка и др.);

- 9) названия суточных богослужений (утреня, вечерня и др.);
- 10) формы, элементы богослужения (литургия, молебен, панихида, воздѹх и др.);
- 11) названия календарных систем (Пасхальная таблица, весеннее равноденствие, полнолуние, эпакт, летоисчисление и др.);
- 12) имена собственные:
  - а) общехристианские имена святых (Иоанн, Павел, Владимир и др.);
  - б) названия священных книг (Библия, Лекционарий, Часослов, Пятикнижие, Псалтирь, Ветхий Завет и др.);
  - в) географические названия, связанные со святыми местами (Иерусалим, Голгофа, Афон, Елеонская гора, Вифлеем и др.);
  - г) названия праздников (Истинная масленица, Прощеное воскресенье, Пасха, Преображение Господне, Воздвижение креста Господня и др.).

За основу принята тематическая классификация православной лексики, выдвинутой Г. Н. Склярской в «Кратком словаре-справочнике. Лексика православной церковной культуры». — СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: изд. Центр «Академия», 2006. — 208 с. Мы расширили классификацию, добавляя лексику календароведческой системы.

Словарь предназначен для широко круга читателей, для специалистов в области теологии, культурологии, государственных и общественных деятелей, лингвистов.

О некоторых явлениях стратегии сохранения родного языка (на примере речевого поведения представителей литовской диаспоры г. Москвы)

О. В. Синѳва

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Стратегия сохранения родного языка, перцептивные виды речевой деятельности, метаязыковая функция, внутренняя речь, проговаривание

Аннотация. В докладе рассматриваются проблемы самоидентичности и сохранения родного языка выходцами из Литвы, проживающими в г. Москве, а также стратегии сохранения родного языка: активизация перцептивных видов речевой деятельности (чтение и аудирование), внутренняя речь, эксплицируемая в восклицаниях и проговариваниях отдельных реплик внутреннего диалога вслух, в счете на родном языке, а также разговор с животными, проговаривание (разговор с вещами).

Цель доклада — осветить проблемы соотношения употребляемых языков, самоидентичности и сохранения родного языка выходцами из Литвы, проживающими в г. Москве, когда взаимопроникновение различных культур речевого взаимодействия влияет на сохранение специфических черт речевого поведения. В исследовании особое внимание уделялось тому, к каким стратегиям сохранения родного языка прибегают выходцы из Литвы и как при этом соотносятся такие виды речевой деятельности, как говорение, с одной стороны, и чтение, письмо, аудирование, — с другой, а также в какой мере и при каких условиях сохраняется сознательное или бессознательное внутреннее проговаривание на родном языке, и можно ли его считать некоей чертой, за которой исчезает родной язык.

На самоопределение и на выбор родного языка значительное влияние также оказывает

- 1) речевое поведение семьи,
- 2) возможность общаться с родственниками и прародителями в Литве,
- 3) частотность посещения Литвы.

По нашим данным, чаще всего родители общаются с детьми и на русском, и на литовском языках. При этом намечается тенденция, при которой женщины чаще говорят на родном литовском, чем на русском (24%), а мужчины наоборот, чаще на русском, чем на литовском (75 %). Возможно и общение на разных языках с разными детьми в одной семье. Это обусловлено разностью в возрасте детей, степенью близости контакта между детьми и родителями и возможностью контакта с литовской средой.

Иногда основы владения литовским языком закладывают не мать и отец, а бабушка и дедушка (6%). Это релевантно для респондентов, родившихся в России, литовцев по самоопределению. Существенную роль при этом играет частотность посещения Литвы и продолжительность пребывания в ней (как правило, в каникулы).

Взрослые носители литовского языка целенаправленно компенсируют невозможность его употребления в перцептивных видах речевой деятельности: аудирование (радио — 52%, просмотр художественных фильмов — 49%, песни — 96,5%), чтение (художественная литература, пресса), что свидетельствует о высокой языковой компетенции и национальном самосознании носителей языка.

Употребление прецедентных текстов, разговор с животными, цитирование, напевание, внутренний диалог и проговаривание (разговор с вещами) как формы речевого поведения, описанные Т. Г. Винокур, в нашем исследовании — это формы реализации родного языка вне языковой среды. В конечном счете, это и есть проявление стратегии сохранения родного языка.

Отмечена активизация метаязыковой функции в речевом поведении, проявляющейся в оценке речи (как правило, произношения и выбора лексем) собеседника-соотечественника и самооценке языковой компетенции.

Литература

- Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Речевое поведение. М., 1996.
 Жинкин Н. И. Язык — речь — творчество. М., 1998.
 Караул Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 2004.

Европейско сертифициране на славянските езици — лингвистичният принос за обединяването на Европа

В. Тачева

Медицинский университет г. Варна (Варна, България)

Х. Христова-Готхард

Печский университет (Печ, Венгрия)

Европейски съюз, многоезичие, Обща европейска езикова рамка, славянски езици, ECL сертификати

Summary. One of the major goals of the EU language policies is a Europe where everyone can speak at least two other languages in addition to their own mother tongue. For this reason, the European Commission supports numerous projects and programs promoting language learning, setting its main focus on the so called “small” languages. It also emphasizes the importance of certification in the process of language learning. Therefore, the ECL Consortium works to provide unified, reliable and valid standards for the assessment of attained language knowledge with the help of ECL language exam. This standardized testing system is adapted to the European languages included in the program, with special respect to Slavonic languages. Currently, candidates can take the ECL exam in seven Slavonic languages and receive an international certificate, which records their learning achievements and thus becomes an important part of their European Language Portfolio.

По данни от 2011 година населението на Европейския съюз наброява над 500 милиона души, които живеят в 27 страни и говорят над 80 езика, 23 от които имат статут на официални и работни езици в рамките на Съюза. В тази връзка Съветът на Европа работи в различни насоки с оглед гражданите на Европейския съюз постоянно да развиват своите езикови умения, за да могат активно да участват в живота и дейностите на европейското общество. Доказателство са различните програми като: Леонардо да Винчи, Сократ, Ян Коменски, Грундвиг, Жан Моне, Еразъм Мундус и Учене през целия живот, както и много инициативи като: Европейски езиков знак, Европейската година на езиците и Дни на европейските езици (http://ec.europa.eu/languages/documents/prior12_en.pdf).

По препоръка на Съвета на Европа през 2005 година Европейската комисия разработи и прие „Нова рамкова стратегия за многоезичие“ (http://ec.europa.eu/languages/pdf/doc5080_en.pdf). Целта на този първи по характера си политически документ е да се насърчи създаването на многоезично европейско общество, в което всеки гражданин да говори поне два чужди езика освен своя роден език. Европейската комисия по многоезичието подчертава, че не е достатъчно да бъде изучавана и използвана една единствена европейска лингва франка (английския език) и препоръчва да се разшири кръгът на преподаваните и изучаваните езици, като особено се наблегне на не толкова широко разпространените езици на Евросъюза (т. нар. „малки езици“). Комисията подчерта и значението на редовната оценка и тестова проверка на постиженията в процеса на изучаването на чуждите езици, тъй като това помага при осмислянето на постигнатите резултати и планирането на по-нататъшните цели.

В съответствие с целите и препоръките на Съвета на Европа и Европейската комисия по многоезичие и с финансовата подкрепа на програмите ERASMUS, LEONARDO и LINGUA през 1992 година беше създаден международният ECL-Консорциум (Консорциум за сертифициране на езиковите компетенции). Вече 19 години тази международна структура разработва и прилага единна система за проверка и оценка на постиженията по езиците чрез общоприети европейски стандарти на страните членки и кандидат-членки на Европейския съюз. Целта на тази мащабна програма е да

стимулира взаимното преподаване, изучаване и използване на официалните езици на европейските страни и с помощта на разработени от Консорциума стандартизирани езикови тестове да осигури единна и надеждна модерна система за оценяване в точни проценти владенето на тези езици за различните нива и конкретните езикови умения слушане, говорене, четене и писане.

В ECL системата за езикови изпити централно място заема популяризирането на преподаването и сертифицирането на познанията по славянски езици. В рамките на системата могат да бъдат положени изпити на четири от нива (A2, B1, B2 и C1) по следните славянски езици: български, полски, руски, словашки, сръбски, хърватски и чешки. Изпитните нивата са изцяло съобразени с критериите на нивата на езикова компетентност, описани от Общата европейска езикова рамка (вж. <http://www.ecl-test.com/pages/template2.aspx?id=7017> и Обща европейска езикова рамка 2006: 35–37).

Тестовите се разработват от екип от експерти филолози и тестволози от авторитетни университети и институти:

Български език: *Департамент по чуждоезиково обучение комуникации и спорт, Медицински университет-Варна;*

Полски език: *IKO Warszawa;*

Руски език: *Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;*

Словашки език: *Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre;*

Сръбски език: *Centar za strane jezike, Ekonomski Fakultet Subotica, Univerzitet u Novom Sadu;*

Чешки език: *Letni škola slovanských studií, Filologická fakulta, Univerzita Palackého;*

Хърватски език: *Sveučiliste Josipa Jurja Strossmayera u Osijeku.*

При успешно положен изпит кандидатите получават международен сертификат, отговарящ на единните европейски стандарти, дефинирани от Общата европейска езикова рамка, който могат да приложат към своето Европейско езиково портфолио. Като част от Европейския езиков паспорт този официален сертификат отразява обективно и достоверно актуалните общи езикови умения на притежателя на портфолиото и по-този начин увеличава шансовете му да продължи образованието си или да намери подходяща работа в друга европейска държава.

Национальные взгляды на национальные языки

Б. Тошович

Институт славистики Университета им. Карла и Франца (Грац, Австрия)

Нация, сербский, хорватский, бошняцкий, черногорский

Summary. National perspectives on national languages. This work considers issues raised by how representatives of one national community regard relations between their language and the very similar languages of their neighbours. The particular case refers to Serbian, Croatian, Bosniak and Montenegrin communities whose languages (Serbian, Croatian, Bosnian or Bosniak and Montenegrin) genetically and typologically belong to one language though with differing names and literary norms.

В настоящем докладе рассматривается вопрос о том, как представители одного этноса рассматривают отношения между своим языком и очень близкими языками другого этноса.

В данном случае речь идет о сербах, хорватах, бошняках и черногорцах, языки которых (сербский, хорватский, бошняцкий, черногорских) генетически и типологически очень близки.

Сербский, хорватский, бошняцкий и черногорский языки относятся к группе южнославянских языков. Они имеют общую (новоштокавскую) диалектную основу, на базе которой образовались литературные языки сербов, хорватов, бошняков (мусульман Боснии и Герцеговины, которые в 1990-х годах приняли самоназвание *бошняки*) и черногорцев и официальные языки Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины и Черногории. Вплоть до 1990 г. язык, используемый на территории четырех тогдашних союзных республик, официально назывался *сербохорватским* или *хорватосербским*. Когда Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия и Черногория обрели самостоятельность, произошло изменение общественно-политической ситуации, которое вызвало и изменения на языковом уровне. Хорватия официально объявила государственным языком хорватский, а Союзная Республика Югославия (Сербия и Черногория) назвала свой язык сербским. В Боснии и Герцеговине бошняки провозгласили государственным языком *боснийский*, но против этого выступили сербы и хорваты. Они исходили из того, что этот язык, стандартизированный на однопациональной (бошняцкой) основе, должен по их мнению носить название, производное от названия нации, а не от названия территории («бошняцкий», а не «боснийский»). В 2007 г. в Черногории был объявлен официальным черногорский язык.

С конца XVIII в. и до конца XX ст. сербские и хорватские языковеды интенсивно и широко занимались отношением между языком сербов, хорватов, бошняков (боснийских мусульман славянского происхождения) и черногорцев. Во всем XIX и в большей части XX столетия господствовало исключительно бинарное отношение: язык сербов ↔ язык хорватов. Лишь во второй половине XX в. эта двухчленная корреляция перешла в многочленную добавлением языка бошняков и черногорцев.

В докладе будут представлены и рассмотрены сербские, хорватские, бошняцкие и черногорские взгляды на язык сербов, хорватов, бошняков и черногорцев. В основе анализа лежат наблюдения и выводы автора, опубликованные в рамках его проекта „Различия между боснийским / бошняцким, сербским и хорватским языками“ (Грац, 2006–2010), в первую очередь в серии сборников (пока их семь) „Национальные взгляды сербов, хорватов, бошняков и черногорцев на их языки“, редакторами которых являются Бранко Тошович и Арно Вонич:

1. SRPSKI POGLEDI NA ODNOS IZMEĐU SRPSKOG, HRVATSKOG I BOŠNJAČKOGA JEZIKA [Сербские взгляды на отношения между сербским, хорватским и бошняцким языками]. — Graz — Beograd: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz — Beogradska knjiga. — Том I / 1: 2010, 737 с. — Том I / 2: 2010, 535 с. — Том I / 3: 2011, 803 с. — Том I / 4: 2011, 600 с. (в печати)

2. HRVATSKI POGLEDI NA ODNOS IZMEĐU HRVATSKOGA, SRPSKOGA I BOSANSKOGA / BOŠNJAČKOGA JEZIKA [Хорватские

взгляды на отношения между хорватским, сербским и боснийским / бошняцким языками]. — Graz — Zagreb: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität — Izvori. — Том 1: 2010, 439 с. — Том 2: 2012, 500 с. (в печати)

3. BOŠNJAČKI POGLEDI NA ODNOS IZMEĐU BOSANSKOG, HRVATSKOG I SRPSKOG JEZIKA [Бошняцкие взгляды на отношения между боснийским, хорватским и сербским языками]. — Graz — Sarajevo: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität, Institut za jezik, 2009. — 481 с.

В докладе будет предпринята попытка представить самые важные, типичные и влиятельные взгляды, указать на мнения, имеющее решающее значение и истории языковых отношений между сербами, хорватами, бошняками и черногорцами.

В национальных взглядах на национальные языки выделяется несколько важных вопросов:

1) типологический — является ли сербский, хорватский, бошняцкий и черногорский (а) отдельными языками, (б) вариантами полицентрического языка, (в) стилистическими вариантами одного и того же языка, (г) территориальными или конфессиональными разновидностями одного национального языка;

2) утилитарный — насколько целесообразно и оправданно официальное провозглашение и кодификация некоторых языков;

3) национальный — должна ли каждая нация иметь свой отдельный язык;

4) нормативный — как нормализовать свой язык: в направлении дивергенции или конвергенции;

5) глоттонимический — а) являются ли названия новых языков политическими или за ними стоят весомые лингвистические аргументы, б) насколько оправдан выбор названия языка (особенно по отношению к языку бошняков);

6) прагматический — следует ли идти на компромиссы по отношению к двойному происхождению (экавскому и иекавскому) и двойной графии (кириллицы и латиницы);

7) дифференциальный — настолько данные языки отличаются друг от друга и в чем основные совпадения, сходства и различия;

8) ориентационный — должны ли эти языки сближаться или удаляться друг от друга;

9) психолингвистический — (а) как на практике воспринимают нормы языков, сосуществующих на одной территории, (б) насколько понимают друг друга сербы, хорваты, бошняки и черногорцы;

10) интеграционный — какую позицию надо занять в европейских интеграциях;

11) переводческий — нужно ли делать переводы для языков, носители которых понимают друг друга почти стопроцентно;

12) футуристический — как в дальнейшем будут развиваться события и в каком направлении пойдут национальные языки данной группы.

Современные математические модели описания этнолингвистической витальности языков

С. Д. Трайтак

Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова (Москва, Россия)

Ethnolinguistic vitality, monolingual, bilingual, model of reaction-diffusion type

Summary. Modern prognostic mathematical theories to investigate the ethnolinguistic vitality of closely-related languages are considered. We proposed and studied a new mathematical model of reaction-diffusion type to describe interactions between languages evolution and demographic processes taking into account committed fraction of the relevant bilingual group.

В итоговом документе I Международного научного симпозиума «Славянские языки и культуры в современном мире» (Москва 24–26 марта 2009 г.), в частности, отмечено, что «Центральной задачей, стоящей перед национальными обществами в славянских странах, является защита родного языка, собственной литературы и культуры, духовных богатств своего народа...». В последние десятилетия стало ясно, что проблема этнолингвистической витальности языка

является весьма актуальной для языков всех народов мира вне зависимости от их статуса и численности говорящих на них. Например, в 2011 году «на XXII конгрессе Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), в Шанхае, первое направление планируемой работы включает в себя тему витальности русского языка и обеспечивающих ее факторов, включая русский язык за пределами России» [Клюканов 2011].

Многие современные отечественные исследователи по этнолингвистической витальности языков [Булатова, Протасова 2010, Клюканов 2011 и др.] используют теорию М. Эхала [Ehala 2010], которая, в свою очередь, берет свое начало в работах Н. Giles, R. Y. Bourhis, D. M. Taylor и первоначально разрабатывалась для изучения витальности русского языка в Эстонии. Вместе с тем, некоторые авторы отмечают, что данная «теория не имеет своей устоявшейся сферы применения», а часто совершенно не понятно «как применять методологию; как продвигать и проверять теорию» [Булатова, Протасова 2010]. Однако, на наш взгляд основным недостатком теории Эхала является то, что она в принципе не может описать динамику развития взаимодействующих языков, являясь по своей сути синхронической теорией. Поставленную выше задачу можно решить лишь при помощи диахронических теорий этнолингвистической витальности. Последние теории позволяют описать эволюцию изучаемого языка во времени, приобретая, таким образом, прогностическую функцию (см. [Fernando, Valijärvi, Goldstein 2010]; [Поддубный, Поликарпов 2011] и ссылки в них).

Общая постановка задачи о витальности языков весьма сложна для моделирования, поэтому в докладе рассматривается взаимодействие двух языков в приближении «островных диалектов» (В. М. Жирмунский), т. е. когда некоторый язык *A* (скажем украинский) функционирует в отрыве от основного языкового ареала во взаимодействии с иноязычным окружением *B* (например, русским). Данное приближение позволяет сравнительно просто моделировать процессы развития и смешения языков. Доклад содержит обзор существующих математических теорий взаимодействия «островного языка» — *A* в окружении близкородственного языка — *B*.

В работе также предложена новая модификация известной модели типа реакция-диффузия Fisher-Skellam, учитывающая влияние доли активных участников языкового взаимодействия (committed fraction). Главной искомой величиной теории является набор, характеризующий языковое состояние в области определения «островного языка»: (u_A, u_{AB}, u_B) , где u_A и u_B — локальные концентрации носителей языков *A* и *B*, соответственно, а u_{AB} — локальная концентрация двуязычных носителей. Система уравнений описывающих взаимодействие языков *A* и *B* имеет вид

$$\frac{\partial u_A}{\partial t} = L_A(u_A, u_{AB}, u_B, h),$$

$$\frac{\partial u_{AB}}{\partial t} = L_{AB}(u_A, u_{AB}, u_B, h),$$

$$\frac{\partial u_B}{\partial t} = L_B(u_A, u_{AB}, u_B, h).$$

Здесь L_i — дифференциальные операторы второго порядка, описывающие взаимодействие языков, демографический дрейф и диффузию носителей «островного языка». Величина h определяет долю активных участников языкового взаимодействия. Проанализировано несколько частных случаев предложенной модели и даны рекомендации по определению эмпирических параметров, входящих в модель. Например, для случая, когда $h = 0$, а также можно пренебречь демографическим дрейфом и диффузией населения, определяющую роль в выживании языка *A* играют: а) доля двуязычных, говорящая с носителями языка *A* на языке *A* и б) доля двуязычных, говорящая между собой на языке *A*. Обнаружено критическое поведение функции u_A в зависимости от величины h , приводящее к резкому уменьшению u_A ($u_A \rightarrow 0$ при $h \rightarrow h_c - 0$). С помощью вариации внешних управляющих параметров можно добиться либо полного исчезновения языка *A*, либо его динамического равновесия с языком *B*.

В заключение доклада приводятся некоторые результаты работы центра этнолингвистической витальности МГГУ им. М. А. Шолохова и Уфимского филиала МГГУ им. М. А. Шолохова по витальности русского языка в Татарстане и украинского языка в Башкирии, соответственно.

Литература

- Булатова Е. А., Протасова Е. Ю. Языковые и этнокультурные установки современных жителей Удмуртии // Псковский региональный журнал. 2010. №10. С. 78–89.
- Клюканов И. Э. Коммуникативно-теоретические вопросы этнолингвистической витальности // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Серия «Филологические науки». 2011. № 1. С. 11–22.
- Поддубный В. В., Поликарпов А. А. Диссипативная стохастическая динамическая модель развития языковых знаков // Компьютерные исследования и моделирование / Гл. ред. Г. Ю. Ризниченко, А. В. Борисов, А. И. Лобанов. 2011. Т. 3. № 2. С. 103–124.
- Ehala M. Ethnolinguistic vitality and intergroup processes // *Multilingua*. 2010. Vol. 29. P. 203–221.
- Fernando C., Valijärvi R.-L., Goldstein R. A. A model of the mechanisms of language extinction and revitalization strategies to save endangered languages // *Human Biology*. 2010. Vol. 82. No. 1. P. 47–75.

Языковая ситуация и языковая политика в Республике Македония

Р. П. Усикова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Macedonian language, culture, ethnicity, literary styles, education

Summary. The historical development of the Macedonian ethnicity and literary language is unique among Slavic peoples. Literary Macedonian language rapidly developed in many ways in some decades, having reached the level of other literary languages. One saw the appearance of literary styles, national education and science; grammars and dictionaries were published, national culture and literature developed.

- Македонский литературный язык был кодифицирован в 1945 г., когда было создано македонское государство — Республика Македония в составе федеративной Югославии (СФНРЮ).
- До этого македонский славянский язык существовал лишь в диалектах, поскольку македонский этнос тысячу лет жил под властью разных государств — Византии, Болгарии, Сербии, Османской турецкой империи (пятьсот лет), в XX веке — в Сербии.
- Но македонский этнос сохранил свою идентичность, диалекты и культуру, хотя и был, как этносы на Балканах дву- и полиязычным.
- Историческое развитие македонского этноса и языка уникально в славянском мире. Все эти века церковь и образование было на немакедонском языке (греческом,

- болгарском, сербском), а государственным языком 500 лет был турецкий.
- В составе СФНРЮ молодой кодифицированный македонский язык стал официальным языком Республики Македонии: впервые началось обучение в школе на родном македонском языке (а также и на официальном языке государства СФНРЮ — сербохорватском) на македонском языке появились газеты и другая литература, заработало радио, а затем и телевидение, расцвела художественная литература — поэзия, проза, драма. На македонском языке работали местные органы власти.
- Бурно развивалась наука — в 1946 г. был образован Скопский университет и прежде всего — филологический факультет, готовивший специалистов и по македонскому языку. В 1967 г. была создана Македонская академия наук и искусств.

Славянские языки и культуры в современном мире

Я. Чарногурский

Панъевропейская высшая школа (Братислава, Словакия)

Мы снова встречаемся на конференции, посвященной славянским языкам и культурам в современном мире. В течение последних двух лет в мире углубился финансовый и экономический кризис, который встряхнул основы существующего уклада. О глубине кризиса свидетельствует и то, что небольшой Греции удалось поколебать почти полумиллиардным Европейским Союзом. Что можно сказать на данном этапе о славянских языках и культурах?

Европейский Союз в настоящее время является серьезным вызовом для славянских народов, особенно для России. Он был создан после Второй мировой войны первоначально, как средство предотвращения войны между Германией и Францией, позже, как экономический и политический противник Восточного блока и Советского Союза, в частности. Он стал привлекательной организацией, и все пост-коммунистические государства проявили желание войти в Европейский Союз. Даже сегодня, на постсоветском пространстве Европейский Союз является магнитом, который вызывает цветные революции, как это было в 2004 году в Украине, в том же году в Грузии, а согласно исследованиям в Европейский Союз хотели привести Белорусию, Украину и Закавказские республики значительные группы избирателей в этих государствах. Европейский Союз не является организацией славянских народов. Государства славянских народов — членов ЕС в Европейском союзе имеют одинаковый статус, но не могут объединиться и отстаивать интересы отдельных народов, например вопрос сербов в Косово. Концепция славянской солидарности находится в пространстве Европейского Союза за пределами политической корректности. Например, в Польше, Чехии и Словакии в течение всего года не найдете в средствах массовой информации даже упоминание о каких-либо общих чертах славянских народов.

Похоже, что экономический успех Европейского Союза создавался в долг и этот долг становится сейчас неуправляемым. Греция является лишь небольшим примером создания Европы в долг и на Грецию теперь сваливают всю вину. В банках Европейского Союза уложены миллиарды долларов в ценных бумагах — на самом деле ничего не стоящих, таких, которые не связаны с греческими операциями. Они возникли в результате спекулятивных финансовых операций, которые не создают реальную экономическую ценность, с так называемых финансовых дериватов. Дериваты находятся на балансе банков, а посредством банков и на балансе государства. Теперь каждые шесть месяцев проходит кризисная встреча глав государств Европейского Союза и принимаются решения, которые отсрочивают кризис на следующие полгода. Нынешняя форма европейской интеграции становится непопулярной в основных странах Западной Европы. В качестве перспективных альтернативных решений проблем представляются возможными два направления, либо централизация принятия экономических

решений в Европейском Союзе или, наоборот, децентрализация и предоставления свободы в рамках крепкого ядра Европейского Союза вокруг Германии с одной стороны и периферийных государств, с другой стороны, таких, которые не будут способны соблюдать экономические параметры. Централизация принятия экономических решений возможно в течение некоторого времени, порядка нескольких лет отсрочит кризис в Европейском Союзе, но благодаря многонациональности государств, входящих в Европейский Союз последует еще больший взрыв. Нынешний кризис в Европейском Союзе еще раз иллюстрирует факт того, что естественная близость или наоборот удаленность народов не может заменить никакой организационный и правовой союз. Такое наставление по своей сути является хорошим.

Изменение долговременных структур международного уклада всегда является периодом частых конфликтов. В таких конфликтах славянские народы не должны были бы пострадать. Еще большим вызовом является вопрос о том, воспользуются ли славянские народы настоящим периодом кризиса существующих международных структур для укрепления своих взаимных отношений в рамках существующих структур, или же упустят предоставленную им возможность. Реалистичный взгляд на состояние славянских народов на запад от России показывает, что эти народы и их лидеры не хотят консолидировать свои взаимоотношения. Такая констатация имеет и вторую ступень. В современном мире национальные рамки слишком узки. Чтобы развивать свою собственную культуру необходимо лишь преодолеть национальные границы и развивать транснациональные идеи. Панславянская транснациональная идея в настоящее время не имеет притягательную силу для целей международной организации государств. История показывает, что объединение славянских и не только славянских народов вокруг Москвы состоялось только в момент угрозы существования этих наций. В то время Россия была хорошей защитницей.

Есть и другая альтернатива. Славянские народы не будут проявлять никакого сознательного желания для более тесного взаимного сотрудничества. В конечном счете так это выглядит сейчас. Близость славянских языков, славянской культуры и славянского менталитета с течением времени найдет свое отражение на международном уровне. В конце XIX века Антонин Дворжак создал Славянские танцы, Чайковский — Славянский марш, Словацкий написал стихотворение Славянский Папа и любовник Анны Карениной после ее смерти отправился воевать в Сербию. Этот культурный подъем Славян в большей степени повлиял на то, что славяне фактически выиграли I мировую войну. Славянские народы смогли создать свои собственные государства. Таким образом, и язык и культура славянских народов снова могут стать ключевыми. Рассуждения о политическом сотрудничестве славянских народов вне языка и культура не должны приостановиться и в таких условиях.

Русинский язык или русинские языки? Актуальные аспекты проблемы

В. Чарский

Культурно-языковой центр «Разговор» (Москва, Россия)

Русинский язык Бачки и Срема, южнорусинский язык, карпаторусинский язык, лемковский язык

Summary. At the current moment Rusyn is the vernacular spoken in the different countries of Central Europe (Ukraine, Slovakia, Poland, Serbia, Croatia, Hungary, Romania). There are four codified variants of Rusyn: Pannonian Rusyn in Bačka and Srem (Serbia and Croatia, codified in 1923), Lemko Rusyn in Poland (codified in 1992), Rusyn in eastern Slovakia (codified in 1994), Rusyn in Transcarpathian Region (Ukraine, being codified during 1999-2004). Attempts to standardise the various codified variants of Rusyn have been unsuccessful. Different orthographies have been developed and a number of different grammatical standards exist based on regional dialects. Moreover, Pannonian Rusyn, based on the Trebišov and Prešov Eastern Slovak dialects, could not really take part in such projects if they are actually possible in the future.

На сегодняшний день русинский язык фактически представляет собой совокупность самостоятельных, в разное время кодифицированных идиомов.

Русинский язык Бачки и Срема был кодифицирован в 1923 г., или южнорусинский язык, который с 1946 г. является одним из официальных языков автономного края Воево-

дина в Сербии, и за это время пережил бурное развитие, стал не только языком богатой художественной и научной литературы, но и языком государственных учреждений, многочисленных печатных и электронных СМИ, языком, на котором можно получить полное среднее и высшее образование, а также в целом сохранил позиции основного языка повседневного общения среди русин Сербии и Хорватии. На сегодняшний день южнорусинским языком владеют и считают его своим родным около 17 тыс. человек (15 тыс. человек в Сербии и 2 тыс. в Хорватии).

В конце 1980-х гг. после падения коммунистических режимов в странах Восточной Европы (коммунистическая идеология не признавала существование русинского народа и языка) русинский народ пережил некое подобие национального возрождения: в Словакии, Польше, Венгрии, Румынии возникли русинские общины, которые получили официальное признание и статус национальных меньшинств. Вскоре были кодифицированы на базе местных диалектов региональные русинские идиомы в Польше (1992 г. под региональным названием «лемковский язык», официально 6 тыс. говорящих), в 1994 г. в Словакии под названием «русинский язык» (официально 24 тыс. говорящих). По-другому развивались события на Украине, которая до сих пор признает русин только в качестве субэтноса украинской нации, их язык — только в качестве одного из западных украинских диалектов, а действия русинских активистов приравнивает к антигосударственной деятельности. Эта ситуация сильно препятствует развитию русинского языка и культуры в этой стране, хотя попытки создать литературный язык русин Украины неоднократно предпринимались (последний раз в 2004 г.). При этом именно в Закарпатской области Украины проживает основная часть русинского этноса (по различным, зачастую ангажированным оценкам от 100 тыс. до 800 тыс., причем, по результатам последней переписи, в этом регионе проживает всего 7 тыс. русин).

Следует отметить, что в основе лемковского и русинского словацкого лежат два разных западных диалекта карпаторусинского языка, украинский русинский пытаются кодифицировать на восточных карпаторусинских говорах, а диалектная база южнорусинского — требишовские земплинские и прешовские шарышские восточнословацкие говоры. Очевидно, что если выработка какого-то общего стандарта для карпаторусинских идиомов теоретически была бы возможна, т. к. они все же основаны на говорах одного диалектного континуума, то основанный на говорах словацкого языка южнорусинский вряд ли бы смог принять участие в каких-либо интеграционных инициативах.

Возможно ли в принципе создание единого карпаторусинского литературного языка, который бы объединил разрозненные региональные варианты, и есть ли в этом потребность? Отрицательные моменты такого проекта очевидны: 1) обострение и без того непростых отношений с

официальной Украиной и интеллигенцией, ориентированной на Украину, 2) протесты региональной интеллигенции против навязывания чужого русинского диалекта, а тем более какого-либо «искусственного» стандарта, 3) скепсис лингвистов, предупреждающих, что навязывание в качестве нормы неродного диалекта может привести к отказу не только от неродного, но и от своего диалекта и переходу на язык иноязычного большинства. Однако и самостоятельная борьба малочисленных идиомов за существование в инославянском окружении также, с большой долей вероятности, может закончиться постепенной ассимиляцией.

Сближение различных карпаторусинских идиомов невозможно без унификации графики, которая бы при этом могла передавать нюансы произношения тех или иных фонем в различных позициях: прежде всего, речь идет о заместительной долготе *o* и *e* и букве *ѣ*. Поиски общего стандарта в морфологии и лексике так же могли бы быть более успешными, если бы удалось более частотные явления в контексте всего карпаторусинского ареала сделать нормой, но при этом не игнорировать менее частотные региональные особенности. В докладе рассматриваются наиболее серьезные противоречия между карпаторусинскими идиомами в фонетике, грамматике и лексике, которые препятствуют созданию единого стандарта.

Появление общего для всех карпатских русин литературного языка, имеющего богатую историю, насчитывающую несколько столетий, прямого наследника «язычия», а затем со второй половины XIX в. карпаторусского / «русского» литературного языка, изменили бы отношение к карпаторусинскому языку и вообще к русинскому национальному самоопределению как среди самих русин, так и вообще в мире. Решение этой задачи позволило бы обозначить перспективу развития карпаторусинского языка в общеевропейском контексте, привлечь более серьезное внимание стран ЕС к проблемам этого народа и его языка и возможно в будущем получить более серьезный статус и финансирование различных культурно-языковых инициатив. Очевидно, что карпаторусинские идиомы Словакии, Украины, Польши нужно рассматривать не в рамках достаточно неясной категории СЛМЯ (славянских литературных микроязыков, куда традиционно включают и кабинетные опыты отдельных энтузиастов вроде полесского или ляшского), а наряду с другими близкими по многим социолингвистическим показателям миноритарными европейскими языками, например, ретороманскими или серболужицкими.

В случае осуществления такого сценария интересной была бы судьба южнорусинского языка, который вряд ли бы мог полноценно участвовать в подобных инициативах. Однако русины Сербии и Хорватии несомненно должны приносить самое активное участие в культурно-национальной деятельности карпатских русин, но при этом пытаться обрести новые связи и контакты со своей словацкоязычной природой в словацком Земплине и Шарыше.

Язык конфессионального общения как фактор национальной идентификации

Е. В. Шимко

Украинская богословская академия имени святых Кирилла и Мефодия (Ужгород, Украина)

Confession language, national authentication, religious communication

Summary. Language of confessional communication as the factor of national identification. Feature of development of confession language for the Slavs Slavia Orthodoxa on a modern stage is examined in the paper. It is marked, that in the conditions of revival of the national states, the confession language intercourse experiences processes characteristic for national literary languages in an 18–19 age.

1. Проблема национальной идентичности является достаточно популярной в любом современном обществе. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что определение национальной идентичности является теоретической основой для создания национального государства. С другой стороны, решение проблемы национальной идентичности помогает определению национальной идеи, осознание которой — необходимый компонент развития общества.

При рассмотрении процесса национальной идентификации исследователи заметили достаточно интересную зако-

номерность: идентификация происходит в сравнении, в отталкивании от «соседей», в выработке общественных стереотипов. Основой для интерпретации происходящих социальных событий становится миф — будь это миф об общей «крови и почве», или миф о «загадочной национальной душе» или «миф о причастности к истокам славянской цивилизации» [Арутюнян, Дробичева, Соколов 1999: 165].

Социологические исследования показывают, что среди маркеров национальной принадлежности религия занимает одно из первых мест — оппозиция свой / чужой выстраива-

ется в зависимости от того, в какого Бога веришь, какие ритуалы исполняешь, на каком языке происходит служба. Поэтому значимую роль в процессе национальной идентификации играет язык конфессионального общения.

Современное отношение к языку конфессионального общения в ареале *Slavia Orthodoxa* вызывает навязчивое состояние дежавю: возрождаются старые идеи и тенденции, характерные для кирило-мефодиевской эпохи, периода книжной sprawy, Никоновского раскола и т. д.

2. С одной стороны, язык воспринимается как сакральный символ, не подлежащий исправлению. В религиозном сознании сохраняется нерушимая связь между традицией конфессиональной письменности и текстами книг церковных: они воспринимаются как хранители национального единства и выступают в качестве сакральных символов. Священным признается не только и даже не столько содержание, сколько форма. И в настоящее время запоминание и заучивание «правильных» церковных текстов в религиозной среде является одной из основ образования. А поэтому какие-нибудь изменения конфессионального текста расцениваются как еретические.

С другой стороны, в процессах национальной идентификации, в сравнении и в отталкивании от «соседей», важными оказываются национальные характеристики сакрального языка. Этот язык должен быть родным и понятным. Между тем, дискуссии относительно возможной «национализации» сакрального языка ведутся донныне: в современной лингвистике не создана общая теория сакрального языка, в котором, с одной стороны, сохранялись бы традиции церковнославянского языка, а с другой — присутствовали черты «национального языка для конфессионального общения» [Верещагин 1994].

3. Конфессиональная языковая ситуация в Украине в начале XXI века подобна той, которая была 100 лет назад. Снова актуальным оказывается решение Поместного Собора 1917–1918 гг. «О возможности литургии на русском или украинском языке и усовершенствование языка Библии». Документы Собора, которые хранятся в ГАРФ, отмечают, что:

- а) введение в богослужение русского или украинского языка допустимо;
- б) немедленная и повсеместная замена в богослужении церковнославянского языка русским или украинским языком и невыполнима, и нежелательна;
- в) творчество в богослужении допустимо и возможно;
- г) готовность какого-либо прихода слушать богослужение на «общерусском или малороссийском языке» по мере возможности подлежит удовлетворению с одобрения переводов церковной властью» (цит. по [Кравецкий 1997]).

К вопросу о черногорском языке

Ю. Ю. Юдова

Курсы иностранных языков при МИД России (Москва, Россия)

Черногорский язык, кодификация, йотация согласных, цекавица, языковая ситуация

Summary. The paper analyses the linguistic situation in the Republic of Montenegro that emerged after independence in the year 2007, argues proponents and opponents separate Montenegrin language. The author concludes that the question of language in this Balkan country is still far from being resolved.

Распад социалистической Югославии, начавшийся в 90-х годах прошлого столетия и фактически продолжающийся до сих пор, в значительной мере повлиял на языковую ситуацию на этой территории. Вместо функционировавшего ранее повсеместно сербско-хорватского (или хорватско-сербского) языка в настоящее время официальными языками независимых Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Черногории стали соответственно сербский, хорватский, боснийский и черногорский языки. Последний появился позже других. Официальной датой его появления считается 2007 год, когда черногорский язык был закреплен Конституцией Республики Черногории в качестве официального государственного языка.

4. Противостояние традиционного и современного в конфессиональном языке можно наблюдать и по отношению к визуальному знаку, когда системные, лингвистические замечания отсутствуют, однако «внешний вид» текста вызывает неприятие. Ярким примером такого неприятия является отношение к языку «Требника», который был издан Украинской богословской академией имени святых Кирилла и Мефодия в 2009 году (г. Ужгород) в качестве практического пособия для пастырей. Тот факт, что основной текст Требника напечатан гражданским шрифтом вызывает нарекания со стороны определенного круга священнослужителей — гражданский шрифт не воспринимается как «правильный», «сакральный», хоть все каноны церковнославянского языка в издании соблюдены.

Подобные процессы присутствуют и в конфессиональном языке русской Православной Церкви. Например, из программ Духовных академий и семинарий планируется исключить церковнославянский язык как таковой, а всю богослужебную литературу перевести на современный литературный или сильно «русифицированный» церковнославянский язык.

5. Таким образом, язык конфессионального общения в ареале *Slavia Orthodoxa* развивается в русле тех национальных проблем, которые возникают в обществе, принявшем Святое Письмо. Основная коллизия заключается в противоречии между стремлением удержать изначальный, привычный (церковнославянский) языковой вид религиозного текста (Откровения, заповеди, символа веры, службы, молитвы и др.) и необходимостью в контексте современных требований государства, национальной культуры обеспечивать тот или иной уровень восприятия и усвоения Божьего Учения (понимание и передачи следующим поколениям). Проблемы, связанные с религиозной коммуникацией, имеют двойственный богословско-филологический характер. Острота проблемы «язык конфессионального общения» обусловлена тем, что она касается, с одной стороны, религиозных чувств людей, а из другой, — национальных взаимоотношений, взаимоотношений Православия и его течений, с властью и другими конфессиями.

Литература

- Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Соколов А. А. Этносоциология. М., 1999.
- Верещагин Е. М. Об удержании Кирилло-Мефодиевской традиции в (ново) русском переводе Евангелия // Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян (Материалы Международной Библейской конференции 1990 года, посвященной семидесятилетию Русской Библейской Комиссии). СПб., 1994.
- Кравецкий А. Г. Проблема богослужебного языка на Соборе 1917–1918 годов и в последующие десятилетия // Язык Церкви. Вып. 2. М., 1997.

В 1863 году в учебных заведениях Черногории был введен сербохорватский алфавит, что ознаменовало собой присоединение черногорцев к языковой реформе Вука Караджича. Язык, на котором говорили на большей части территории Черногории, был назван сербохорватским. Наличие, к примеру, в языке черногорцев особых окончаний указательных местоимений *-ijeh*, *-ijema* (*ovijeh*, *ovijema*) вместо *-ih*, *-im* (*ovih*, *ovim*) признавалось архаичным и нелитературным явлением (так писал в 1929 году известный сербский лингвист А. Белич в новых «Правилах правописания»). Но у такой точки зрения были и противники, которые особенно активизировались в 90-е годы XX века, то есть когда распалась СФРЮ, ее отдельные республики обрели независимость,

провозгласив собственные языки, и языковой вопрос приобрел особую актуальность.

Ярым поборником самостоятельного черногорского языка был профессор Философского факультета в г. Никшиче В. Никчевич. В 1997 г. он издал «Правила правописания черногорского языка», в которых определил его отличия от языка сербского. Это наличие особой орфоэпической нормы — так называемой иекавицы, то есть сочетания звуков [ije], [je] на месте бывшего «ять» (в сербском в этой позиции звук [e]), особая система ударений и наличие особых согласных. Этими согласными являются йотированные *s* и *z* (под йотированными здесь и далее понимаются смягченные согласные). То есть, по мнению Никчевича, в черногорском языке в словах типа *djed*, *tjerati*, *sjekira*, *zjena* *j* не произносится отдельно, а сливается с предшествующим согласным, это так называемая «новая йотация». Но если для йотированных *d* и *t* в алфавите Вука Караджича есть буквы *đ* и *ć*, то и для йотированных *s* и *z* должны быть соответствующие буквы, то есть *š* и *ž*. Приведенные слова в соответствии с «правильным» черногорским произношением будут писаться так: *đed*, *ćerati*, *šekira*, *žena*.

Еще один аргумент В. Никчевича выходит за рамки лингвистики. Ученый считает, что, поскольку существует черногорский народ, следовательно, должен существовать и черногорский язык. Представляется, что данный аргумент приводится в первую очередь для тех, кто вообще сомневается в существовании черногорского народа, считая черногорцев сербами, поселившимися в древности на территории современной Черногории.

Противники выделения черногорского языка (сербские лингвисты В. Брборич, М. Шчепанович, Е. Стоянович и др.) называют приведенные выше аргументы необидительными. В качестве примера они приводят языковую ситуацию в США и Австрии, где живут соответственно американский и австрийский народы, которые говорят на английском и немецком языках, а не американском и австрийском. Хотя различия между языком американцев и англичан или австрийцев и немцев едва ли не большие, чем между языком сербов и черногорцев. Наличие двух типов произношения — экавского (сербского) и иекавского (черногорского) прежде считалось литературной нормой и не было достаточным основанием, чтобы говорить о разных языках. Слова типа *šekira*, *ćerati*, *žena* не являются общеупотребительными и принадлежат, как правило, к областной лексике. В данном случае, по мнению Е. Стоянович, диалектные формы сербского языка, неприменимые для стандартизации, пытаются назвать черногорским языком (газета «Kurir» от 9.09.2011). В действительности черногорцы говорят на сербском языке,

незначительно, с научной точки зрения, отличающемся от языка сербов в собственно Сербии.

Пока лингвисты ведут научные споры, черногорские власти продолжают «продвигать» черногорский язык. Так, в 2009 г. вышли в свет «Правила правописания и словарь черногорского языка», в 2010 г. — «Грамматика». На Философском факультете в Никшиче уже несколько лет работают две отдельные кафедры — сербского и черногорского языков. Планировалось также с сентября 2011 года ввести обучение детей в школах черногорскому языку по новым учебникам, что, естественно, вызвало протесты сербов, живущих в Черногории. Впоследствии этот процесс был отложен на год. Впрочем, в угоду своим интересам политики могут принимать и компромиссные решения. Так, в сентябре 2011 года ради принятия нового избирательного закона власти Черногории договорились с оппозицией о новом названии языка и предмета, преподаваемого в школах и вузах: черногорский-сербский, боснийский, хорватский язык и литература. Тем самым черногорский и сербский языки получают равноправный статус, хотя, как будут писаться программы и учебники по такому предмету и как он будет преподаваться, не очень понятно. Е. Стоянович отмечает, что такое политическое решение почти неприменимо на практике и может привести к хаосу в аудиториях.

На примере Черногории видно, какое влияние политические процессы оказывают на языковую ситуацию. С обретением страной самостоятельности власти стали поощрять обособление черногорского языка (в первую очередь от сербского), пытаясь таким образом подчеркнуть и утвердить самобытность черногорского народа. Лингвисты получили «заказ» кодифицировать черногорский язык, и, как следствие, появился ряд трудов, в которых в основном из-за придания некоторым диалектным явлениям статуса литературных делается вывод о существовании особого черногорского языка. Новая норма предусматривает две новые буквы в алфавите (*š* и *ž*), существование дублетов типа *sjekira* / *šekira*, *zjena* / *žena*, *djeca* / *đeca*, единственную иекавскую орфоэпическую норму и некоторые другие моменты. Учитывая, однако, что около трети населения Черногории составляют сербы (согласно последней переписи населения — 32%), которые вряд ли согласятся признать своеобразие черногорского языка и захотят считать его родным, вопрос о языке в этой балканской стране остается открытым.

Литература

Материалы черногорской прессы и Интернет.
Pravopis crnogorskoga jezika i Rječnik crnogorskoga jezika (pravopisni rječnik) [Службени лист Црне Горе. Број 49]. Podgorica, 2009.
Silić J. Crnogorski jezik. Podgorica, 2010.

Književnohistorijske i poetičke specifičnosti novije bošnjačke (bosanskomuslimanske) književnosti u (južno)slavenskom kontekstu

S. Kodrić

Univerzitet u Sarajevu (Sarajevo, Bosna i Hercegovina)

Novija bošnjačka (bosanskomuslimanska) književnost, tj. bošnjačka (bosanskomuslimanska) književnost od kraja 19. st. pa nadalje, zauzima posebno mjesto unutar konteksta južno-slavenskih te uopće slavenskih književnosti. Riječ je o književnosti koja je u kulturalno-civilizacijskom smislu vezana i za orijentalno-islamski i za zapadno-evropski krug, što bošnjačku (bosanskomuslimansku) književnost čini naročito liminalnom pojavom u kojoj se na nescakadašnji, a najčešće na hibridno-sinkretički način miješaju elementi često sasvim suprotnih i međusobno isključujućih kulturalno-civilizacijskih fenomena. Ovakvo što bitno se odražava i na njezine književnohistorijske značajke i poetička obilježja, utoliko prije što novija bošnjačka (bosanskomuslimanska) književnost svoj stvarni početak te svoj suštinski zasnov nalazi u trenutku osmansko-austrougarske smjene u Bosni 1878. godine, nakon čega, tokom narednih desetljeća te, praktično, tokom cjeline 20. st., prolazi kroz složene procese evropeizacije, a zapravo kroz u širem kako južnoslavenskom, tako i slavenskom kontekstu

uopće jedinstvene procese (auto)kolonijalnog te, potom, postkolonijalnog razvoja, s jasno prepoznatljivim adaptivnim, adaptivnim te adeptivnim povijesnorazvojnim fazama. U ovom smislu, posebno je indikativan književnohistorijski slijed i poetički razvoj novije bošnjačke (bosanskomuslimanske) književnosti od vremena njezina romantičarsko-realističkog preporodnog trenutka s kraja 19. i početka 20. st. (Safvet-beg Bašagić, Edhem Mulabdić, Osman — Aziz i dr.), preko vremena impresionističko-simbolističke moderne (Musa Ćazim Ćatić, Fadil Kurtagić, Avdo Karabegović Hasanbegović i dr.) i ekspresionističke avangarde iz prvih desetljeća 20. st. (Hamza Humo, Ahmed Muradbegović, Hasan Kikić i dr.), pa sve do vremena egzistencijalističkog modernizma iz druge polovine 20. st. (Meša Selimović, Skender Kulenović, Mak Dizdar, Derviš Sušić i dr.), kad novija bošnjačka (bosanskomuslimanska) književnost uspješno razrješava tradicijsku dramu i traumu koja obilježava njezine devetnaestostoljetne, postosmanske i predevropske početke.

Hrvatski književni kanon u samostalnoj Hrvatskoj

P. Marušić, J. Vignjević

University of Zagreb (Zagreb, Hrvatska)

Književnost, kanon, nacionalni identitet

Summary. Croatian literary canon in independent Croatia. Canons in art always discuss various cultural methods through which the individual or the collective subject is being identified within a society through art, literature and culture, in a specific historical and geographical context. Literary texts included in the canon conceal the possible social conditioning of their positions on “the honor lists”, always emphasizing the aesthetic criteria of choice, which are totally artistic and autonomous as well as evident and logical at first glance. Separation of Croatia from Yugoslavia conditioned simultaneous changes in literary canons in Croatia as well as in neighbouring countries. The reinterpretation of political circumstances was announced by similar changes in literature. Literary artists whose work was excluded from schoolbooks in Yugoslavia (Mile Budak, Viktor Vida) began to appear in each and every one, replacing those which were then in turn proclaimed to be “false”.

Umjetnički kanoni uvijek govore o različitim kulturološkim načinima kojima se unutar nekog društva provodi identifikacija individualnog ili kolektivnog subjekta kroz umjetnost, književnost i kulturu, u konkretnom povijesno-geografskom kontekstu. Književni tekstovi obuhvaćeni kanonom skrivaju moguću društvenu uvjetovanost svog položaja na «počasnim listama» uvijek ističući estetske, sasvim umjetničke i autonomne kriterije odabira, koji se na prvi pogled i čine vidljivim i samorazumljivima.

Izdvajanje Hrvatske iz Jugoslavije uvjetovalo je simultane promjene u književnim kanonima kako u Hrvatskoj, tako i u susjednim zemljama. Reinterpretiranje političkih okolnosti bilo je najavljeno sličnim promjena na području književnosti. Književnici koje su u doba Jugoslavije sve čitanke izostavljale (Mile Budak, Viktor Vida) sada su se pojavljivali u svakoj, a oni kojima su do tada počinjale sada su proglašeni «apokrifnim».

Jezik, identitet, politika: hrvatski u socijalističkoj Jugoslaviji

K. Mićanović

University of Zagreb (Zagreb, Hrvatska)

Jezična politika, standardni jezik, kodifikacija, srpskohrvatski / hrvatskosrpski, hrvatski

Summary. The paper discusses the issue of the Croatian language within the social and political framework of the socialist Yugoslavia (1945–1990). Particular attention is paid to the Novi Sad Agreement (1954) which aimed at arranging the language issue in the four republics of the former Yugoslavia, and also to period from 1967 to 1971 in which language issues became more than an obvious symptom of international and interrepublic tensions. The period between mid 1970s and the end of 1980s is analysed as an era in which the Croatian linguists published the fundamental language manuals thus confirming their autonomy in the shaping of the standard language.

U tekstu će se nastojati elaborirati hrvatsko jezično pitanje u društvenom i političkom okviru socijalističke Jugoslavije. Posebna će pozornost biti posvećena Novosadskom dogovoru iz prosinca 1954. godine kojemu je prethodila «anketa o pitanjima srpskohrvatskog jezika i pravopisa» objavljujavana u časopisu *Letopisa Matice srpske*. Novosadski dogovor prijelomni je događaj poratne jugoslavenske jezične politike kojim je trebalo biti uređeno jezično pitanje u četirima republikama tadašnje Jugoslavije (Bosna i Hercegovina, Crna Gora, Hrvatska, Srbija). Kao rezultat novosadskih zaključaka objavljen je 1960. godine zajednički pravopis Matice hrvatske i Matice srpske — latiničko izdanje pod naslovom *Pravopis hrvatskosrpskoga književnog jezika s pravopisnim rječnikom*, a ćirilsko izdanje pod naslovom *Правопис српскохрватскога књижевног језика са правописним речником*. Novosadski dogovor postat će generator dugotrajnog spora između između hrvatskih i srpskih jezikoslovaca te će krajem šezdesetih i početkom sedamdesetih jezična politika utemeljena na tome dogovoru doživjeti neuspjeh. Konkretna početak kraja sudjelovanja hrvatskih lingvиста u jezičnoj politici potaknutoj Novosadskim dogovorom bit će odustajanje od rada na Rječnika hrvatskosrpskoga književnog jezika nakon što je 1967. godine iz tiska izišao prvi i drugi svezak od ukupno planiranih šest. Jedan od ključnih

problema u tome sporu bilo je tumačenju naravi «jedinственог književnog jezika», a pritom nije bilo riječi samo o koncepcijskim, teorijskim neslaganjima koja ne bi imala nikakva učinka na standardnojezičnu kodifikaciju i na jezičnu praksu. Od kraja 1970-ih započinje razdoblje u kojem su u Hrvatskoj objavljeni temeljni jezični priručnici (fonetika, fonologija, tvorba riječi, sintaksa, pravopis) i u kojem je artikulirana posebnost hrvatskoga spram «cjeline standardne novoštokavštine». Riječ je o razdoblju u kojemu su hrvatski lingvisti izradili nekoliko temeljnih priručnika potvrđujući tako svoju autonomnu poziciju u izgrađivanju jezičnoga standarda. Sredinom osamdesetih godina aktualizirat će se pitanje naziva jezika u Ustavu SR Hrvatske. Promjenu postojećeg članka Ustava SR Hrvatske pokrenut će najviše tijelo Saveza komunista Hrvatske u prosincu 1985. godine s ciljem da se iz ustavne definicije izostavi naziv *hrvatski književni jezik*. Duga i žučna rasprava u koju će uključiti velik broj pojedinaca i institucija trajat će do lipnja 1989. godine kada će Sabor SR Hrvatske odbiti sve jezične amandmane, tj. zadržat će se postojeća jezična odredba. Nakon osamostaljenja Republike Hrvatske, u potpuno novim političkim okolnostima, jezik neće biti ispražnjen od svoga simboličkog potencijala, naprotiv, i dalje će biti važan vid nacionalnog samopotvrđivanja.

Nazwy własne jako źródło wiedzy o swojej „małej ojczyźnie”

J. Nosowicz, D. Kuźmina

Uniwersytet Warszawski (Warszawa, Polska)

Имена и названия, источник знания, региональная культура, моя маленькая родина

Анотация. Место и роли собственных имен и названий в образовании определенного общества тесно связана с проблемами языка и культуры. Названия отражают социальные, культурные и исторические знания нации. Они содержат информацию об отличительных, национальных и культурных чертах характера общества. Но это недооценивается в образовании и воспитании школьников и студентов.

Problem miejsca i roli nazw własnych w edukacji określonej społeczności ściśle łączy się z zagadnieniem języka i kultury. Zależność ta wynika z faktu, że nazwy własne w znacznie większym stopniu niż wyrazy pospolite kumulują społeczno-kulturową i historyczną wiedzę na temat danego narodu. Zawierając informację o unikatowym narodowokulturowym nacecho-

waniu jednostek językowych, stają się nośnikami narodowego kolorytu, leksemami-etnorealiaми. Ich funkcja poznawczo-kumulatywna, zwana też funkcją kulturową, przejawiająca się w zdolności jednostek językowych do przechowywania wiedzy o rzeczywistości, pełni szczególną rolę w procesie rozwoju jednostki i społeczeństw.

W procesie komunikacji językowej na każdym kroku stykamy się z koniecznością użycia nazwy własnej. Trudno po prostu dzisiaj wyobrazić sobie cywilizowaną społeczność, która nie posługuje się imionami, nazwiskami, przezwiskami i przydomkami, różnego rodzaju nazwami geograficznymi, takimi jak nazwy miast, wsi, nazwy wód, gór i wysp, części świata, krajów i ich regionów, we wsiach — terenowymi, takimi jak nazwy pól, lasów, łąk i innych obiektów fizjograficznych, w miastach — nazwami dzielnic, ulic i placów czy różnych instytucji. Powszechność użycia oraz pełnione przez nazwy własne funkcje stanowią o tym, że są one interesującym i ważnym składnikiem zasobu słownikowego każdego języka. Jak wynika z badań, w tekstach średnio 11% rzeczowników to nazwy własne.

Interdyscyplinarny charakter nazewnictwa decyduje o tym, że z wyników jej badań mogą z kolei korzystać nie tylko językoznawcy, ale także inne dyscypliny naukowe. Zarówno antroponimy, jak i toponimy mogą dostarczyć cennych informacji na temat historii dawnego osadnictwa, rozmieszczenia i wędrówek plemion i narodów. Znaczenia badań onomastycznych ważne jest nie tylko dla nauki w ogóle, lecz również dla określenia ich miejsca i roli w świadomości i edukacji społecznej jako elementów języka powszechnie używanych w komunikacji, a także tych, które posiadają właściwość kształtowania świadomości społecznej. Przebudzenie się lokalnej pamięci jest jednym z ciekawszych zjawisk we współczesnym myśleniu o przeszłości, podobnie jak ożywienie społeczności miejscowych jest jednym z ważniejszych procesów zachodzących w dzisiejszym świecie.

Narodowokulturowy charakter nazw własnych wyrażają zarówno właściwości formy zewnętrznej leksemu (jego właściwości fonetyczne, ortograficzne, morfologiczne), jak i formy wewnętrznej (motywacja — wskazanie na historyczno-kulturowe fakty będące podstawą nominacji). W obrębie granic jednego państwa nazewnictwo osobowe i geograficzne może być w mniejszym lub większym stopniu regionalnie zróżnicowane zarówno, jeśli chodzi o genezę podstaw słowotwórczych, jak i formalne elementy nazwotwórcze.

Zróżnicowanie genetyczne i formalnojęzykowe antroponimów i toponimów najwyraźniej uwidacznia się na terytoriach przygranicznych charakteryzujących się zazwyczaj dwu- lub wieloetnicznym osadnictwem. Do takich regionów z pewnością zaliczymy np. Białostoczczyznę. Ze względu na historię swej zmiennej przynależności państwowej oraz procesy kolonizacyjno-osadnicze ten teren jest najlepszym przykładem wzajemnego oddziaływania kilku kultur, nakładania się i krzyżowania różnorodnych wpływów etnicznych.

W polskiej lingwodydaktyce niewiele miejsca poświęca się nazwom własnym. Dotyczy to wszystkich poziomów nauczania poczynając od szkoły podstawowej, a na studiach uniwersyteckich kończąc. Aktualne programy nauczania szkolnego nie dają zbyt wiele okazji, aby młodzież poznała głębiej tę interesującą i ważną dziedzinę życia języka. Ograniczają się do podziału rzeczowników na wyrazy pospolite i nazwy własne, wprowadzenia zasad pisowni nazw własnych oraz skromnego zasobu wiedzy merytorycznej na temat nazewnictwa. W szkołach wyższych z onomastyką styka się bliżej tylko ta niewielka grupa studentów — seminariów magisterskich, która podejmuje

związane z nią tematy prac dyplomowych. Pozostali mogą zetknąć się z nazewnictwem na zajęciach z leksykologii (problematyka onomastyczna przedstawiana jest zazwyczaj bardzo ogólnie) i wykładach monograficznych, z pewnością prowadzonych sporadycznie. Absolwenci szkoły wyższej (nawet filolodzy) nie wynoszą ze studiów żadnej wiedzy onomastycznej.

Rozwiązanie tego problemu wymaga spełnienia dwóch warunków: 1) włączenia do programu szkolnego odpowiedniego zakresu materiału z nazewnictwa, 2) staranniejszego przygotowania nauczycieli, co jest równoznaczne z zapewnieniem onomastyce odpowiedniego miejsca w programach i w praktyce dydaktycznej studiów.

Oprócz zagadnień teoretyczno-poznawczych związanych z procesem tworzenia nazw i ich funkcją społeczną w programach należałoby uwzględnić specyfikę regionalnego nazewnictwa osobowego i geograficznego. Ten drugi aspekt jest szczególnie ważny na terytoriach przygranicznych, gdzie nazewnictwo jest uwikłane w wielonarodowościowy kontekst historyczno-kulturowy. Należy wykorzystać w dydaktyce powiązania regionalnego nazewnictwa osobowego i geograficznego z nauką o regionie. Tę część nazewnictwa, która odbija dawne stosunki historyczno-osadnicze, społeczne, socjologiczne, a także informacje o warunkach geograficznych i przyrodniczych, należy uwzględnić w nauce historii i geografii.

W ostatnim okresie w onomastyce rozwinął się nurt badań nad nazwami małych obiektów wiejskich (pól, łąk, lasów, dołów) — mikrotoponimia. Nazwy te giną i zapomina się o nich. Specyfika tych nazw terenowych, związana jest m. in. z zasięgiem ich funkcyjnego obiegu, ograniczonym najczęściej do lokalnych wiejskich mikrowspólnot komunikatywnych, w których nazwy te są spontanicznie tworzone i przekazywane z pokolenia na pokolenie.

W przestrzeni miasta za pośrednictwem nazw — znaków komunikacji społecznej — oznaczane są zarówno elementy podstawowego układu wertykalno-horyzontalnego, jak też wszystkie elementy przestrzeni, jakie chce się z niej wyodrębnić. Odczuwanie miejsca i przestrzeni jest jedną z właściwości człowieka w jego percepcji świata. Wspólnoty ludzkie, kształtując własne przestrzenie społeczne, wykorzystują do tego celu w znacznym zakresie tworzywo językowe.

W tworzeniu nazw nowych powinno się opierać zarówno na tradycji, jak i wychodzić naprzeciw oczekiwaniom społecznym, upamiętniając wydarzenia i postacie akceptowane przez ogół mieszkańców oraz poszczególne środowiska. Należałoby chronić nazwy, jako osobiste dobra społeczeństwa, szczególnie te o statusie zabytkowości. Sprawa ochrony nazewnictwa z racji szybkich zmian urbanistycznych, powinna znaleźć należne miejsce zarówno w teorii prawa, jak i w obowiązujących przepisach. Zbyt pochopne zmiany w nazewnictwie mogą prowadzić do zubożenia dorobku kulturalnego. Historyczne nazwy miast, wsi, dzielnic, ulic, placów, cmentarzy, mostów, budynków, parków, ogrodów, za których pozostawieniem przemawiają względy historyczne bądź społeczne, powinny być objęte ochroną prawną. Winny być one nie tylko chronione, lecz wkomponowane we współczesne struktury architektoniczno-urbanistyczne.

Tradičná byzantsko-slovanská kultúra na Slovensku a jej areálové dimenzie

P. Žeňuch

Славистический институт им. Яна Станислава Словацкой академии наук (Братислава, Словакия)

Культурная идентичность, религиозная традиция, язык литургии, византийско-славянский обряд, грекокатолическая церковь в Словакии

Summary. The social and historical reality of the Byzantine-Slavonic rite in Slovakia provides researchers with abundant material on inter-cultural relations. Views on such relations are usually affected by a particular observer's affiliation to a particular religious confession. This is considered to be one of the potential preconditions of the arising of a stereotypical view on a particular local confessional community or a particular cultural and religious tradition. In this contribution, the author tries to point out some stereotypical views related to the cultural and religious traditions of the Christians practising the Byzantine-Slavonic rite in Slovakia.

Ареал распространения византийско-славянского обряда в Словакии предлагает широкие возможности для исследования культурных отношений. Часто эти отношения оказываются под влиянием принадлежности «наблюдателя» к определенной религиозной, конфессиональной среде. Этот аспект нередко считается одной из возможных предпосылок

возникновения стереотипных точек зрения на конкретное (местное) конфессиональное единство или культурно-религиозную традицию. В докладе мы попытаемся указать на некоторые стереотипные мнения на язык и культурно-религиозную традицию христиан византийско-славянского обряда в Словакии.